

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 49

17 декабря 1927 года.

№ 49

Статьи УК, имеющие административную санкцию.

Судебная практика применения Уголовного Кодекса редакции 1926 года дала уже большой материал для внесения в Кодекс вызываемых жизнью дополнений и изменений, и, надо полагать, что в недалеком будущем эти данные практики найдут отражение в соответствующем законопроекте.

В предположении этого частичного изменения УК мы и считаем необходимым остановиться на вопросах, мимо которых, поскольку они не имеют непосредственной связи с судебной практикой, могут пройти те предложения об изменениях и дополнениях УК, которые будут основываться на данных судебной практики.

Вопрос этот—о статьях УК, имеющих административную санкцию. Сравнение Кодекса 22 года с действующим показывает, что число таких статей значительно уменьшилось. Вместо 12 статей старого Кодекса административная санкция сохранилась только в 7 статьях действующего, при чем и это число сокращается предстоящим в ближайшие дни введенным в действие новой редакции ст. 85, которая уже не будет иметь части с административной санкцией.

И нам кажется, что предстоящее изменение Кодекса должно быть использовано в направлении полного освобождения его от этих оставшихся статей, к Кодексу не имеющих никакого отношения и лишь способных вызывать всякого рода затруднения на практике.

В самом деле, что можно сказать в защиту оставления этих статей в Кодексе? Имеет ли практический смысл сохранение их именно в этой части нашего законодательства?

Ст. 61, предусматривая отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, в санкции первой части устанавливает административное взыскание, налагаемое соответствующим органом власти в пределах, законом установленных.

Таким образом, сама по себе, со своей неопределенной санкцией первая часть статьи применения иметь не может. Где-то должны быть особо установлены «соответствующие органы власти», которые налагают взыскания, и, главное,—виды и пределы взысканий. И в части, например, повинностей трудовой и гужевой, которые, главным образом, если не исключительно, имеются в виду ст. 61, эти органы и пределы взысканий устанавливаются либо в специальных постановлениях СНК или им уполномоченных органов (ст. 11 Кодекса Законов о Труде), либо в обязательных постановлениях местных исполкомов, издаваемых на основании соответствующих положений по этому вопросу. Но так как существование первой части ст. 61 имело бы смысл только в том случае, если бы она представляла собой основание для издания указанных выше постановлений, то поскольку таким основанием она не

является, она без всякого ущерба может быть исключена из Кодекса.

После этого исключения постановления по вопросу об установлении той или иной повинности, издаваемые управомоченными на это органами, вместо отсылок к ст. 61, как это делается теперь (см., напр., положение о порядке привлечения населения к трудовой и транспортной повинности от 18/VII—27 г.—«С. У.» № 73, ст. 500), отсылка в части, касающейся 1 ч. ст. 61, ничего определенного не дающих, должны будут определять случаи, преследуемые в порядке административном (совершение нарушения в первый раз) и меры взыскания за эти нарушения и лишь по остальным случаям отсылать к Уголовному Кодексу.

Что, дальше, дает практически сохранение в Кодексе ст. 83? Статья эта, предусматривающая простую контрабанду, представляет собой отсылку к Таможенному Уставу как в определении понятия «контрабанда», так и в определении мер и порядка исключительно административного взыскания. Это обстоятельство делает ее сохранение в Кодексе совершенно излишним.

4 ч. ст. 133 устанавливает административную ответственность за нарушение правил об охране труда, технике безопасности, промышленной санитарии и гигиены. По разъяснению Пленума Верховного Суда РСФСР от 19/IV—27 г. («Е. С. Ю.» 1927 г., № 20) действие ее распространяется только на случаи нарушения правил, устанавливаемых НКТ на основании главы XIV Кодекса Законов о Труде, кроме случаев, которые подпадают под действие 3 части той же статьи. Но поскольку НКТ вправе издавать названные правила в форме общих и специальных обязательных постановлений на основании ст. 139 Кодекса Законов о Труде и поскольку, следовательно, в 4 части ст. 133 УК, как основании для издания таких правил, надобности не имеется, теряется смысл и ее сохранения в УК. Правда, 4 ч. ст. 133 содержит определения видов и пределов взысканий, налагаемых на нарушителей правил. Но и в этом отношении статья ничего нового не содержит, т. е. виды и пределы взысканий, ею устанавливаемые, полностью совпадают с взысканиями, устанавливаемыми положением об издании обязательных постановлений, допустимом к применению и к данным обязательным постановлениям. Поэтому и для установления санкции за нарушение правил, которые устанавливаются в порядке издания обязательных постановлений, 4 ч. ст. 133 никакого значения не имеет.

Исключение из Кодекса остальных статей с административной санкцией (2-е части ст.ст. 82, 108 и 191) представляется менее безболезненным, чем статей разобранных, поскольку нарушения, ими предусматриваемые, не могут быть предметами обязательных постановлений без расширения перечня ст.ст. 7 и 8 положения об издании обязательных постановлений. Однако, только это обстоятельство ни в какой мере не может служить основанием для сохранения в Кодексе этих чуждых ему статей.

Если законодатель нашел нужным особо предусмотреть данные нарушения, то этому, во всяком случае, не повредит выделение их из УК в виде специальных норм, как это имеет место в ряде других случаев (постановление ВЦИК и СНК от 3/V—27 г. об отсутствии вывесок и выставлении патентов—«С. У.» № 43, ст. 280, пост. СНК от 4/III—27 г. о мерах ограничения продажи спиртных напитков—«С. У.» № 24, ст. 158 и др.).

Исключение перечисленных статей из Кодекса вызывается не только соображениями редакционной чистоты его. Их существование порождает на практике, как можно судить и по запросам мест и по непрекращающимся ведомственным толкованиям и разъяснениям, постоянные затруднения.

Никто не станет отрицать необходимость полной унификации порядка производства по административным делам. К установлению этого мы в последнее время неуклонно идем. Все помнят, что до издания УК 1926 г. существовало, так называемое, приложение № 2, которым устанавливался особый порядок производства дел по статьям с административной санкцией, имевшей значительные отличия от порядка, установленного положением об издании обязательных постановлений. Действующий Кодекс этого приложения не имеет, и в силу этого производство по делам о нарушениях, за которые Кодекс устанавливает административную санкцию, подчиняется общему порядку положения об издании обязательных постановлений, кроме только дел по ст. 83, которые идут в совершенно особом порядке.

Стремление к установлению единого порядка производства находит подтверждение и в постановлении СНК от 9/IV т. г., предоставленное которым НКВД право на удлинение срока для наложения взысканий до 2 месяцев было распространено и на административные дела по статьям УК.

Но, с другой стороны, возникают такие сомнения. Если законодатель в УК оговорил специальное давностное отличие дел о нарушениях по статьям, имеющим административную санкцию, от дел уголовных, то, как будто бы, имеется полное основание считать, что во всем остальном эти дела административного порядка преследования подчиняются правилам общей части Кодекса, а среди них, например, правилам наложения взысканий на несовершеннолетних, о дополнительных мерах социальной защиты, об условном осуждении и, даже, о покушении, аналогии и т. д.

Такие сомнения возможны? Конечно, возможны, да они и встречаются.

И чтобы без пужды не вызывать таких сомнений, чтобы, с другой стороны, избавить Кодекс от этих, как показывает практика изменений Кодекса, наиболее неустойчивых статей, их должно из Кодекса исключить.

Второй вопрос—о молодой, но уже получившей большую известность и, во всяком случае, вызывающей большие разговоры статье 192 УК.

Какова ее история? В главе VIII Кодекса 1922 г. имелся ряд статей, предусматривавших нарушения, преследуемые в административном порядке. Они без всякой системы были вкраплены между статьями с уголовной санкцией. Уже первый проект нового УК, как он был принят Коллегией НКЮ, исправляя указанный недочет, свел все эти статьи в особый раздел главы VIII. Это было, собственно, первым шагом к полному изъятию этих статей из Кодекса. И это изъятие, действительно, вскоре же последовало. В проекте УК, как он был одобрен Советом Народных Комиссаров, мы уже не находим этого административного раздела, но зато взамен его в проекте Кодекса появляется статья, ныне 192-я, назначение коей так определялось объяснительной запиской к проекту: «на этой статье, после

ее принятия, должны будут непосредственно базироваться губерпские исполнительные комитеты и соответствующие ведомства тогда, когда они будут издавать обязательные постановления. Для них эта статья и будет в этих случаях необходимой правовой опорой в борьбе с этого рода нарушениями» (Проект УК, одобренный СНК и вносимый на утверждение 2 сессии ВЦИК XII созыва, стр. XXI).

Выполняет ли статья 192 это свое назначение? Нет, не выполняет, да и выполнить не может. Она совершенно не нужна исполкомам, поскольку при издании своих обязательных постановлений они базируются на специальном законе—положении об издании этих постановлений. Она не может быть использована и ведомствами при имеющейся в ней оговорке, по которой ведомственные постановления, приказы и инструкции могут снабжаться устанавливаемой ст. 192 санкцией только в том случае, если право на установление ведомством административного взыскания прямо оговорено в том полномочии законодательных органов, на основе которого постановление издается. Такое специально оговоренное право, и именно с ссылкой на ст. 192, как нам известно, в течение года было предоставлено только в одном случае.

Зато в ряде случаев, когда, казалось бы, ст. 192 могла найти применение, законодатель проходит мимо нее. Так, в постановлении СНК от 4/III—27 г. о мерах ограничения продажи спиртных напитков за нарушение правил постановления устанавливается (в первый раз) административное взыскание, «согласно обязательных постановлений... издаваемых в порядке положения от 28/VI—26 года»; в постановлении ЭКОСО от 22/X—27 г. об изменении положения о правах инспекции молочно-масляных продуктов инспекции предоставлено право налагать денежные взыскания, «размеры которых, а также случаи, в которых оно налагается, определяются местными органами в соответствии с инструкцией, издаваемой НКЗемледелия РСФСР по согласованию с НКФ».

На-ряду с этим, имеются постановления (как постановление ВЦИК и СНК от 8/II—23 г. о предоставлении НКПС права издания обязательных постановлений), которыми право на установление административной санкции хотя и предоставлено ведомствам, но возможные размеры взысканий по которым не совпадают с установленными ст. 192 УК.

Таким образом, годичное существование этой статьи показало ее полную ненужность для тех целей, для которых она предназначалась.

Но если бы дело сводилось только к тому, что ст. 192 просто ненужна, это не было бы большой бедой—УК имеет несколько таких статей, которые в текущей практике не находят применения. Нежелательность ее оставления в Кодексе вытекает из того, что ее существование крайне своеобразно отразилось на практике.

Вот один случай. Статья 3 постановления СТО от 3/III—26 г. о сплаве древесины установила, что «все распоряжения ВСНХ и начальников сплава, как в отношении руководства и надзора за сплавом, так и в отношении предоставления сведений о предполагаемом к сплаву количестве древесины и о ходе самого сплава, обязательны для всех сплавающих древесины учреждений, организаций и лиц». Из этого постановления как будто бы с очевидностью вытекает право (хотя бы только ВСНХ) на издание постановлений, обязательных к исполнению при сплаве, с установлением ответственности за их нарушение. Ясно, что речь может идти только об административной ответственности. Так как на запрос ВСНХ НКЮ указал, что для установления административной санкции все же нужно, как это требует ст. 192, специальное уполномочие.

ВСНХ обратился в СТО с ходатайством о соответствующем дополнении ст. 3 положения о сплаве.

Вот здесь-то ст. 192 сыграла отрицательную роль: ходатайство ВСНХ не было удовлетворено в виду того, что «ответственность за нарушение обязательных постановлений определяется соответствующими ст.ст. УК союзных республик». Так был мотивирован полученный ВСНХ ответ СТО, основанный, несомненно, на 192 ст. УК РСФСР, т. к. в Кодексе других республик ей подобной не имеется. Получилось, таким образом, что статья, сама по себе не могущая иметь применения, но создающая видимость реальной статьи, послужила препятствием к получению ВСНХ права, без которого совершенно мертвой является ст. 3 положения о сплаве. Правда, ВСНХ разослал на места для руководства указанный ответ СТО, но не приходится сомневаться в том, что никакого реального значения этот ответ на местах иметь не будет.

Более любопытен случай применения ст. 192 Верховным Судом. Признав необходимость установления санкции за непредоставление статистических сведений ЦСУ обязанными к тому органами и лицами и исходя из того, что ЦСУ не предоставлено право издания постановлений с установлением таких санкций, Верховный Суд (пост. Пленума от 18/VII—27 г.) постановил войти через НКЮ в законодательные органы с представлением о предоставлении ЦСУ такого права. Но «впредь до разрешения вопроса в законодательном порядке» признал, что дела о непредоставлении ЦСУ сведений «подлежат судебному рассмотрению с применением по аналогии санкции ст. 192 УК».

В этом случае, благодаря наличию ст. 192, которая может быть толкуема, как заменившая ст. 226 Кодекса 1922 г., предусматривавшую непредоставление сведений, получилась до некоторой степени имеющая формальное обоснование возможность отступления от установленного циркуляром НКЮ и Верховного Суда от 11/II—27 г. № 34/1 правила о недопустимости применения аналогии «в тех случаях, когда данное деяние, подпадавшее под одну из статей старого УК... ныне не подойдет ни под одну из статей УК новой редакции».

Приведенные случаи нам кажутся в достаточной степени подтверждающими правильность сделанного выше вывода о необходимости исключения ст. 192 из Уголовного Кодекса.

В подкрепление всех сделанных предложений мы позволим себе сослаться на введенный в действие в июле 27 г. Украинский УК, совершенно очищенный от административных статей, кроме только статьи о простой контрабанде, хотя она так же, как и в нашем Кодексе, совершенно не имеет самостоятельного значения.

А. Иодковский.

Бессрочное пользование землею для целей застройки.

I.

Декрет ЦИК и СНК СССР от 21 ноября 1926 г. («С. 3.» 20/I—1927 г. № 2, ст. 14) ввел новый институт застройки—бессрочное пользование земельными участками. До этого декрета действующий закон знал лишь один вид бессрочного пользования землей—трудовое землепользование (Зем. Код., ст. 11). Новый институт имеет весьма ограниченные рамки, которые указаны в самом законе. Право бессрочного пользования земельными участками может быть, по декрету, предоставлено: а) исключительно жилищно-строительным кооперативным товариществам

(рабочим и общегражданским) и б) для возведения, восстановления или достройки строений. Таким образом, закон ограничивает это право определенными субъектами и исключительной целью. Но, очевидно, обладателями права бессрочного пользования могут оказаться и целый ряд других субъектов в порядке преемственности, посредством отчуждения. Дело в том, что: а) строения, возведенные кооперативными товариществами на таких земельных участках, принадлежат этим товариществам на праве собственности, б) право бессрочного пользования земельным участком неотделимо от права собственности на строение и прекращается лишь с прекращением этого права собственности, в) право собственности на строение и, следовательно, право пользования землею сохраняется во все время существования строения; в случае уничтожения строения, право пользования землею сохраняется, если кооператив возведет на том же участке новое строение в определенный (трехлетний) срок, г) строения могут быть отчуждаемы добровольно или с торгов только государственными органам или рабочим жилищно-строительным кооперативам, а строения, принадлежащие общегражданским кооперативам, могут отчуждаться и иным кооперативным организациям (см. разд. 1 декрета, а также примеч. 3 к ст. 71 и ст. 79-а Гражд. Код.). Исходя из указанных постановлений закона и имея в виду, что право бессрочного пользования неотделимо от права собственности на строение, следует прийти к выводу, что госорган или соответствующая кооперативная организация путем приобретения строения станет обладателем и права бессрочного пользования земельным участком. Очевидно, лишь первоначальное установление права бессрочного пользования может иметь место исключительно в пользу строительных кооперативов. Так как такие строения могут быть и объектами залога (госорганам, кооперативным организациям и кредитным учреждениям, см. ст. 79-б Гражд. Код.), то очевидно в состав залога войдет и бессрочное право пользования землей, как неотделимое от права собственности на строение. Декрет 21 ноября 1926 г. возбуждает целый ряд проблем, не находящих себе разрешения буквально в законе. Мы укажем на некоторые вопросы, весьма существенные и жизненно важные, возникающие на почве применения нового закона.

1. Какова должна быть форма предоставления земельных участков в бессрочное пользование? Раздел III декрета 21 октября 1926 г. упоминает о договорах о предоставлении участков земли в бессрочное пользование в случаях замены такими договорами договоров о застройке, совершенных до издания декрета. Могут ли такие договоры заключаться в порядке частного или необходима нотариальная форма (нотариальное удостоверение)? Ведь, если статья на формальную точку зрения, то нотариальное удостоверение необязательно (ст. 29 Гражд. Код.).

2. Каково должно быть содержание договора о бессрочном пользовании? Распространяются ли на это договоры соответственно ст. 73 Гражд. Код. или обязательного содержания договоры эти не имеют? В законе по этому вопросу нет ничего.

3. Если, допустим, строительному кооперативу передан в бессрочное пользование определенный земельный участок с условием возведения на этом участке нескольких строений, то может ли кооператив отчуждать или закладывать каждое строение в отдельности? Если это право у кооператива имеется, то участок земли может оказаться раздробленным, ибо строения могут очутиться в руках различных субъектов, которые таким образом приобретают и право бессрочного пользования землей в составе ином, чем это было установлено при первоначальном предоставлении

этого права. Иными словами, первоначальный обладатель права получает возможность дробить земельный участок по своему усмотрению.

4. Как быть в тех случаях, когда строительный кооператив, которому первоначально отведен земельный участок, возведет строений в меньшем количестве, нежели это установлено договором, и затем продаст или заложит те строения, которые он успел возвести?

5. Какие права приобретают строительные кооперативы в отношении строений, которые восстановлены или достроены и могут ли они такие строения отчуждать или заложить? Ведь закон (декрет 21 ноября 1926 г.) говорит, что земельные участки могут быть предоставлены строительным кооперативам в бессрочное пользование «для возведения, восстановления и достройки на них строений», а о праве собственности сказано лишь в отношении возводимых строений. Нужно ли заключить, что строения, восстановленные или достроенные кооперативами на праве собственности, им не принадлежат? А если они не принадлежат кооперативу на праве собственности, то на каком же праве кооператив такими строениями обладает? Закон об этом ничего не говорит. Можно ли, далее, прийти к выводу, что восстановленные и достроенные строения вовсе не могут быть отчуждаемы и закладываемы?

6. Может ли право бессрочного пользования быть объектом залога?

Обратимся к первым двум вопросам. Отметим тут же, что на практике в отношении договоров о бессрочном пользовании применяются форма и правила договоров о праве застройки.

Ст. 27 декрета 19 августа 1924 г. о жилищной кооперации в редакции 1926 г. гласит: «Рабочим жилищно-строительным кооперативным товариществам земельные участки для возведения, восстановления или достройки на них строений предоставляются, по их выбору, либо на срок по договорам о праве застройки, либо в бессрочное пользование...» Таково же содержание и ст. 30 того же декрета в отношении общегражданских жилищно-строительных кооперативов. Уже из этого постановления закона можно усмотреть, что новый институт бессрочного пользования есть ничто иное, как особый вид права застройки, отличающийся от обычного права застройки главным образом в отношении времени существования права (срока). В то время, как обыкновенное право застройки ограничено определенным сроком, бессрочное право пользования никаким сроком не обусловлено. Это последнее право есть тоже право ограниченное, но ограничено оно особыми условиями, а именно существованием строения.

По существу, это право относится к вещным правам, также как и обычное право застройки. Это тем более так, что с приобретением права бессрочного пользования связано возникновение права собственности на строения, т.-е. вещное право на строение. Иными словами, право собственности на строение возникает в связи с приобретением права бессрочного пользования земельным участком.

Законодательство РСФСР поместило правила о бессрочном пользовании в отделе вещного права Гражданского Кодекса, в разделе права застройки и даже не выделило бессрочное пользование в самостоятельный институт. Это не лишено оснований. Ибо новый институт в нашем праве является видом права застройки. Отсюда прямой логический вывод, что и форма установления этого права должна подчиняться правилам, изданным для возникновения права застройки и указанным в ст.ст. 72 и 73 Гражд. Код. Из последней статьи сам собой выпадает п. «б», относящийся только к срочному праву застройки. П.п. «з» и «и» ст. 73 Гражд. Код. сохраняют свое обязательное место в дого-

ворах. Государство, предоставив кооперативным организациям особые льготные условия владения землей и право собственности на возводимые строения, сделало это исключительно в целях увеличения жилой площади. Поэтому государство заинтересовано в том, чтобы строения содержались в исправном виде, были застрахованы и восстановлены в случае повреждения или гибели. В особенности это относится к строениям, восстанавливаемым и достраиваемым.

Третий вопрос не менее интересен. Он поднимался не раз в отношении права застройки. Раздел права застройки, вернее раздел земельного участка, предоставленного под застройку, вовсе не регулируется законом. Инструкция НКВД и НКЮ от 12 декабря 1925 г. «по применению права застройки земельных участков в городах и городских поселениях» частично разрешает этот вопрос. Согласно ст. 3 инструкции, допускается залог и отчуждение права застройки по частям; при частичном залоге права застройки производится выдел по планам и в натуре предназначенной под залог части земельного участка. Выдел части земельного участка производится с утверждения губернского или уездного инженера и с согласия коммунального отдела с тем, чтобы каждый строительный участок, образующийся в результате выдела, имел площадь не менее 600 кв. метров. О выделе части земельного участка, а равно о залоге и отчуждении права застройки выделенного участка делается надпись на договоре застройки и отметка в реестровой книге сданных под застройку земельных участков. Для выделенных участков, в случае их отчуждения, открывается отдельная запись в реестровой книге.

Принципы, изложенные в ст. 3 инструкции, одинаково применимы и к бессрочному пользованию, установленному для тех же целей застройки. Логически необходимо рассуждать так: единство цели создает единство правил. Что право застройки и право бессрочного пользования для застройки имеют одинаковые задачи, одну и ту же цель, это вряд ли подлежит сомнению. Цель эта выражена в самом законе. А если это так, то какие же основания могут быть к иному разрешению вопроса? Вот как определяет существо права застройки та же инструкция НКВД и НКЮ:

«Право застройки имеет своей задачей и целью дать твердое правовое основание строительству жилищ, а равно строений торгово-промышленного характера, гарантируя длительный характер и ненарушимость владения и распоряжения строениями, возведенными на праве застройки, и тем создавая необходимые условия как для привлечения строительных капиталов, так и для осуществления строительного кредита, являющегося необходимым элементом в деле строительства». И далее: «Право застройки есть вещное срочное право возводить строения на городских и внегородских землях, владеть, пользоваться и распоряжаться этими строениями и в пределах срока предусмотренного договором застройки. Право это устанавливается договором о предоставлении под застройку как свободных земельных участков, так и застроенных, в целях достройки, надстройки, перестройки и капитального ремонта строений и возведения новых» (инструкция ст.ст. 1 и 2).

Те же задачи и те же цели преследует и право бессрочного пользования. Если п. «в» ст. 73 Гражд. Код. требует точного определения сдаваемого под застройку участка, то, очевидно, сам застройщик, а, следовательно, и бессрочный владелец (строительный кооператив) не может, по собственному соизволению, изменять границы и размер единожды определенного земельного участка и раздроблять его, а для этого требуется согласие коммунального отдела. Отсюда следует, что отчуждение и залог отдельных строений, принадлежащих бессрочному владельцу, возможны только по

выделении для этого строения отдельного участка земли таким же порядком, какой существует для обычного срочного права застройки. Это тем более правильно, что право бессрочного пользования, в силу закона, не отделимо от права собственности на строения.

Ответ на четвертый вопрос отчасти уже содержится выше, когда мы разрешали вопрос третий. Если весь участок, отведенный кооперативу на праве бессрочного пользования, будет им отчужден другому кооперативу или госоргану, то новый владелец является преемником прав первоначального пользователя и вступает во все права и обязанности последнего. А так как, по нашему мнению, отчуждение права отдельных строений возможно лишь с согласия коммунального отдела (или зем. отдела и т. п.) и с предварительным разделом или выделом части земельного участка, то, следовательно, вопрос о том, выполнил ли бессрочный пользователь свои обязанности или нет, и в последнем случае последствия такого невыполнения условий договора, будет разрешаться в каждом отдельном случае коммунальным отделом.

II.

Чрезвычайно труден пятый вопрос. Если возьмем закон и будем его применять по его буквальной содержанию, то мы приходим к вряд ли основательным выводам. Декрет 21 ноября 1926 года, как мы уже указывали выше, говорит о предоставлении жилищно-строительным кооперативам земельных участков «для возведения, восстановления или достройки на них строений» и тут же рядом постановляет, что строения, «возводимые» на этих участках земли, принадлежат кооперативам на праве собственности. Случайно ли законодатель выбрал одно из трех понятий (возведение, восстановление и достройку) или нет? Если допустить, что это не случайность, а закон сознательно предоставил право собственности только на те строения, которые целиком возведены кооперативом-пользователем, то возникает вопрос, какие же права предоставлены кооперативам на строения, ими восстановленные или достроенные? Тут может быть и такое решение: на строения, восстановленные или достроенные, кооператив имеет лишь право пользования. Следовательно, такие строения не могут быть кооперативом отчуждаемы и закладываемы. Ибо закон разрешает отчуждение и залог строений, принадлежащих кооперативам на праве собственности, а, следовательно, не на ином праве.

Такое решение вряд ли, однако, соответствует действительному, внутреннему смыслу закона. Если строения восстановленные или достроенные не принадлежат кооперативу на праве собственности, то какова вообще их дальнейшая юридическая судьба и кому же они принадлежат? Принадлежать они могут только государству, но по какому титулу? Закон последовательно стремится развивать жилищное строительство, особенно рабочее, и главным образом кооперативное. Целый ряд законодательных актов имеют прямую цель—содействие строительству рабочих жилищ. Достаточно указать на последние декреты от 15 июня 1927 г. 1) о введении в действие положения о мерах содействия строительству рабочих жилищ и 2) положение о мерах содействия строительству рабочих жилищ («Изв. ЦИК» 15 июля 1927 г. № 159). Самый закон от 19 августа 1924 г., в особенности закон от 21 ноября 1926 г., изданы в целях расширения прав строительных кооперативных товариществ. Исходя уже из этих соображений, необходимо прийти к выводу, что указание закона лишь на «возводимые» строения есть чистая случайность и что восстановленные и достроенные строения также принадлежат кооперативам на праве собственности. Этот вы-

вод подтверждается еще и тем соображением, что примечание 3 к ст. 71 Гражд. Код., изданное в порядке указанного декрета от 21 ноября 1926 г., говорит в обоих случаях только о «возведении» строений («...жилищно-строительным кооперативным товариществам земельные участки для возведения на них строений предоставляются... в бессрочное пользование. Строения, возводимые... товариществами..., принадлежат им на праве собственности»). Здесь, очевидно, термин «возведение» обнимает все три понятия (возведение, восстановление и достройка). Такое толкование, по нашему мнению, соответствует и ст. 4 ГК.

Переходим к шестому вопросу. Закон говорит о залоге строений, принадлежащих кооперативным товариществам на праве собственности, и ничего не говорит о самом праве бессрочного пользования, как об объекте залога. Существует мнение, что само право бессрочного пользования не может быть предметом залога. Ссылаются при этом на ст. 27 Земельного Кодекса, запрещающую залог земли. Разберемся и в этом вопросе. Что залог земли запрещен вытекает не только из ст. 27 Зем. Код., но и из целого ряда других законодательных норм, в частности из ст. 21 Гражд. Код., согласно которой земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота (ср. ст. 53 Гражд. Код. и ст. 2 Зем. Код.). Это одна из основ советского права. Но можно ли отнести это к данному случаю? В ст. 27 Земельного Кодекса мы находим следующее правило: «покупка, продажа или запродажа, завещание или дарение, а также залог земли запрещаются...» Закон запрещает отчуждение и залог земли, так как земля принадлежит только государству. Декрет 20 октября 1917 г. «о земле», а затем Конституция РСФСР 10 июля 1918 г. отменили частную собственность на землю и объявили землю государственным достоянием. Согласно ст. 2 Зем. Код., все земли в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они ни состояли, «составляют собственность рабоче-крестьянского государства». Закон имеет в виду, что земля на праве собственности не может никому принадлежать, кроме государства, и в таком виде она не может быть предметом отчуждения и залога. Согласно ст. 3 Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г., земля передается трудящимся на началах землепользования. На основании ст. 21 Гражд. Код., владение землей допускается только на правах пользования. Право пользования землей предусмотрено различными законодательными актами. Положение о недрах земли допускает предоставление горнопромышленникам участков земли в пользование на определенные цели (ст. 16). Зем. Кодекс предусматривает трудовое пользование землей, при чем право на землю, предоставленную в трудовое землепользование, бессрочно (ст. 11; ср. ст. 7 Лесного Код.). Гражд. Код. допускает два вида пользования землей: 1) аренду, относящуюся к правам обязательственным, и 2) право застройки, являющееся правом «вещным». К праву пользования землей отнесено законом также и право бессрочного пользования землей для целей застройки, предоставленное строительным кооперативным товариществам. По общему правилу, все «права пользования землей» в том или ином виде отчуждаемы (временная переуступка прав на землю трудового пользования, передача арендных прав, субаренда, отчуждение права застройки), а те, которые принадлежат к вещным правам, и закладываемы (право застройки). Трудовое землепользование не включено в состав прав, регулируемых Гражд. Код. Трудовое землепользование не есть «вещное» право. Право бессрочного пользования для застройки является вещным правом, в смысле нашего Гражд. Код., находится в системе права застройки и по существу является тем же правом застройки, но ограниченным не сроком, а условием (со-

хранность строения). Это право, обусловленное отменительным условием (право бессрочного пользования прекращается с прекращением права собственности на строение; ср. абзац 2-й примеч. 3-го к ст. 71 Гражд. Код., а также ст. 41, абз. 2-й Гражд. Код.). Смысл ст. 27 Зем. Код. заключается в том, как мы указали выше, что земля не отчуждаема и не закладываема. Ст. 27 Зем. Код. к нашему институту не может быть отнесена и потому, что по этой статье земля не может быть объектом отчуждения, а право бессрочного пользования вообще отчуждаемо, ибо с отчуждением строений отчуждается и право на землю, как неотделимое от права собственности на строения и прекращающееся только с прекращением права собственности на строение.

Ни декрет 21 ноября 1926 г., ни дополнения к Гражд. Код., изданные на основе этого декрета, ничего не говорят об отчуждении права бессрочного пользования, а содержат лишь указания на отчуждение строений, возведенных на таких земельных участках, которые предоставлены строительным кооперативным товариществам на праве бессрочного пользования. Мы уже указывали выше, что самый закон недостаточно разработан. Те указания, которые сделаны в декрете 21 ноября 1926 г., нуждаются в подробной систематизации. Законодательство РСФСР издало лишь 4 правила (прим. 3 к ст. 71, ст.ст. 79-а, 79-б и 81-а), поместив их в разделе права застройки Гражд. Код. По существу, право бессрочного пользования не является таким правом, которое не подлежит отчуждению с точки зрения общего духа советского права. Те рамки, в которые закон включил новый институт, вполне гарантируют, что бессрочное пользование никак не может попасть в руки частных лиц, ни физических, ни юридических, а остается постоянно, несмотря на возможную перемену обладателей, в тесном круге субъектов прав, принадлежащих либо к гос. органам, т.-е. государству, либо к кооперативным организациям. Ясно отсюда, что нет никаких оснований для возражений против допущения отчуждения права бессрочного пользования на таких же основаниях, на которых допущено у нас отчуждение срочного права застройки, с сохранением тех ограничений, которые установлены декретом 21 ноября 1926 г. Вместе с правом отчуждения должно быть предоставлено право залога этого права. Отсутствие права залога сводит новый институт на-нет. Ибо без кредита рабочее жилищное строительство и вообще кооперативное жилищное строительство развиваться не может. Застройка с самого начала Октябрьской революции составляет постоянную заботу Правительства. Достаточно указать, что право застройки упоминается уже в декрете от 20 августа 1918 г. об отмене частной собственности на недвижимость в городах (ст. 6). С тех пор вопрос о застройке не сходит с пути законодательной деятельности. Правительство уделяет колоссальное внимание проблеме кредита на строительство. Учреждены специальные банки, ассигнуются громадные суммы, создаются комитеты содействия рабочему строительству, разыскиваются меры содействия строительству, застройщики наделяются большими льготами и преимуществами, и т. д. Самый декрет 21 ноября 1926 г. вызван был, очевидно, желанием упрочить кооперативное строительство и поставить его в самые выгодные условия. Таким образом мы обязаны закон толковать в смысле наиболее благоприятном для строительных кооперативов. Нельзя считать достаточным предоставление кооперативам права закладывать возведенные ими строения. Для того, чтобы возвести строение, нужно иметь средства, добыть которые можно только посредством кредита и притом долгосрочного. Получить же кредит можно только тогда, когда можно его обеспечить залогом строения.

Получается заколдованный круг, выйти из которого можно только, когда мы признаем, что как право застройки, так и право бессрочного пользования для целей застройки закладываемо по основаниям, изложенным в ст. 79 Гражд. Код. Говорят, что нельзя закладывать строение, которое еще не существует, которое будет возведено впоследствии. Это верно. Но при залоге права застройки будущие строения поступают ведь в залог, как принадлежность права застройки, по принципу, изложенному в ст. 25 Гражд. Код. Каждое отдельное строение должно рассматриваться как принадлежность всего участка, связанное с участком общим хозяйственным назначением. Почему тот же принцип неприменим к бессрочному праву застройки, каким и является бессрочное право пользования? Нужно иметь в виду, что если до революции банки выдавали ссуды под недвижимость, под строения, т.-е. под залог готовых, вполне законченных зданий, то наши банки открывают кредиты целевые, на строения, на ремонт. А для обеспечения таких кредитов необходимо облегчить возможность залога того права, которое создает вечные отношения к строениям хотя бы будущим. Таким правом является право застройки. Ведь срочное право застройки, говорят, не означает еще права собственности на строения. Вопрос этот не ясен в законе. В одном из своих разъяснений («Жил. Т-во» № 4 1924 г.) Общеконсультационный отдел НКЮ указал, что право застройки по объему предоставляемых застройщику полномочий является более широким, чем право собственности на строение, так как право застройки состоит не только из права владения, пользования и распоряжения строением в смысле ст. 56 Гр. Код., но и из права пользования участком земли, непосредственно не предназначенным под строение, но обслуживающим строение в хозяйственном отношении. А бессрочное пользование, по буквальному постановлению закона, создает право собственности на строения с неотделимым от него правом пользования землей. При таком положении вещей имеются в наличии все условия для развития кредита на кооперативное строительство и даже возможность, быть может, для банков выпускать облигации.

Мы полагаем поэтому, что вопрос о залоге права бессрочного пользования должен быть разрешен в положительном смысле. Отсутствие прямого указания в законе на возможность залога права бессрочного пользования свело на-нет льготу, изложенную в III разделе декрета 21 ноября 1926 г. о праве рабочих жилищно-строительных кооперативов требовать замены заключенных с ними до издания декрета договоров о праве застройки договорами о бессрочном пользовании. Банки не могут принимать в залог такое право, а строить падо. Приходится уничтожать договоры о бессрочном пользовании и вернуться к срочному праву застройки. Вообще закон 21 ноября 1926 г. ждет своей разработки.

И. Вольман.

Необходимость пересмотра закона о купле-продаже с рассрочкой платежа от 10 октября 1923 г.

10 октября с. г. исполнилось 4 года со дня издания закона о купле-продаже с рассрочкой платежа. Четыре года—срок значительный для действия всякого специального закона, особенно для этого закона, рожденного в принципиальных спорах между Комвнторгом и Наркомюстом. Время подвести итоги, выявить как договорную практику госпромышленности и кооперативных организаций, так и судебную практику.

Оценивая каждый специальный закон, следует ставить предварительный вопрос, насколько этот специальный закон необходим, недостаточно ли общих норм нашего Гражданского Кодекса.

Купля-продажа с рассрочкой платежа не является отдельным гражданско-правовым институтом. Это есть лишь одна из форм купли-продажи. Ее особенностями являются не столько основные условия сделки, сколько побочные и дополнительные. С точки зрения экономической, для нее характерна продолжительность кредита, предоставляемого малоимущему покупателю при небольшом размере вносимого им задатка. Вытекающая отсюда недостаточная обеспеченность продавца в получении следуемой ему платы невольно заставляет его либо изыскивать дополнительные способы обеспечения, либо придавать сделке купли-продажи другие формы (напр., форму договора аренды). Обычные в здоровом обороте способы обеспечения продавца это: 1) сохранение за ним права собственности на проданное с рассрочкой платежа имущество до получения соответствующей суммы, либо 2) установление залогового права продавца на это имущество.

И то и другое условие возможны в силу общих норм Гражд. Кодекса.

Право собственности на индивидуально-определенную вещь переходит в силу ст. 66 Г. К. на основании договора с момента его совершения. Другими словами, вещь считается перешедшей к приобретателю с момента заключения договора лишь в том случае, если в договоре момент перехода особо не оговорен¹⁾. В договор может быть включено условие, отдалающее момент перехода собственности к приобретателю, ставящее этот переход в зависимость от наступления определенного условия (взноса соответствующей суммы). Возможность такого отлагательного условия прямо предусмотрена общей частью Г. К. (ст. 41), и такое условие действительно для всех сделок, разве бы в законе было прямо оговорено противное.

Таким образом, интересы продавца могли бы быть обеспечены и без издания специального закона путем установления определенной договорной практики.

Каковы же цели специального закона? Исходя из большей хозяйственной мощи продавца, его опыта и знаний, закон стремится оградить интересы малоимущего покупателя, который из нужды в машине или инвентаре подписывает любые условия договора.

Отсюда первый вопрос, как определить тот круг малоимущих покупателей, интересы которых должны быть защищены законом. Этот круг может быть определен: а) либо путем точного установления категории потребителей (по субъекту), б) либо по предметам продажи (по объекту), в) либо по сумме сделки. В иностранных законодательствах мы редко находим применение одного из указанных признаков²⁾. Украинский закон 1924 г. приближается к определению по объекту. Ст. 1 закона 10 октября 1923 г. указывает путем перечня как признаки определения предметов про-

дажи (предметы домашнего обихода, оборудования сельского хозяйства, домовладения), так и покупателя (кооперативные предприятия, мелкопромышленное предприятие).

Если перечневой способ сам по себе является одним из неудачных способов законодательной техники, то применение его к ст. 1 особенно неудачно.

В самом деле, что такое оборудование домовладения? Крупный застройщик, например, покупает оборудование центрального отопления на сумму в несколько десятков тысяч рублей; неужели интересы такого покупателя должны пользоваться особой защитой закона? Независимо от этого, возникает вопрос, не становится ли оборудование домовладения с момента его установки составной неотделимой частью здания, не подлежащей возврату продавцу даже в случае систематического неплатежа взносов. Далее, почему всякая покупка оборудования кооперативным предприятием (хотя бы огромной фабрикой Центросоюза?) должна пользоваться большими гарантиями для покупателя, чем та же покупка, произведенная небольшим государственным предприятием? Надо думать, что указание ст. 1 на «кооперативное предприятие» имеет в виду лишь предприятия первичной промышленной кооперации.

Указание в ст. 1 другого признака—мелко-промышленного предприятия—тоже не всегда дает достаточную ясность, разве бы при определении понятия мелко-промышленного предприятия руководствоваться ст. 2 декрета ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. Но, применяя точно декрет от 7 июля 1921 г., можно прийти к выводу, что товарная мельница с двигателем в 60 сил, обслуживаемая нормально 10 рабочими, тоже подпадает под рубрику мелко-промышленных предприятий и на ее владельца распространяются все льготы закона о купле-продаже с рассрочкой платежа. Специальные законы о мельницах (декрет ВЦИК и СНК от 24 августа 1925 г., инструкция НКВТ и НКВД от 10 октября 1925 г.) необходимой ясности не вносят.

В целях внесения ясности необходимо т. о. прежде всего пересмотреть круг покупателей, охраняемых этим законом. В основу следовало бы положить ст. 1 украинского закона 1924 г., дополнив ее указанием предельной суммы продажи (одного предмета или комплектного оборудования), за пределами которой допустимо свободное соглашение сторон об условиях продажи. Эту сумму придется установить на основе опыта госпромышленности и кооперации³⁾.

Охраняя интересы потребителей, закон не может упустить из виду другой цели—интересов развития сбыта, интересов производственных предприятий.

Необходимо найти равнодействующую интересов потребителей и интересов производства. Наиболее полным обеспечением продавцов является сохранение за ними права собственности до уплаты всей суммы. Украинский закон 1924 г. устанавливает, что собственность переходит к покупателю в момент заключения договора (ст. 3), но продавец имеет «право преимущественного удовлетворения» (ст. 5), т.-е. ему принадлежит залоговое право.

Закон 10 октября 1923 г. оставляет этот вопрос открытым. Практика Верховного Суда РСФСР стоит на той точке зрения, что право собственности принадлежит в силу ст. 66 ГК покупателю. Наркомфин (Е. С. Ю.) 1925 г. № 46, стр. 1434) стоит на противоположной точке зрения. В нашей относительно большой литературе по этому вопросу не достигнуто единого мнения⁴⁾.

³⁾ Шведский закон устанавливает предельную цифру в 3000 шведских крон, т.-е. 1560 рублей по курсу Ф.О.М.Т.Б.

⁴⁾ С. И. Раевич („Сов. Право“ 1924 г., № 5) и К. М. Варшавский („Сов. Право“ 1927 г., № 4) считают, что собственность переходит к покупателю в момент заключения сделки; К. Граве („Вестник Пром., Торг. и Транспорта“, 1923 г., № 3)—

¹⁾ Также Комментарии под ред. Малицкого, 3 изд., 1927 г., стр. 108, и под ред. Гойхбарга, 2 изд., стр. 108; против—Варшавский, Сов. Право 1927 г. № 4. Варшавский считает, что если бы законодатель хотел допустить такое соглашение, то он бы включил в Кодекс статью, аналогичную § 455 Герм. гражд. улож., но он упускает из виду, что § 455 его лишь дополняет возможную неясность договора на случай сомнения до какого момента переход собственности отдален договором; таким моментом § 455 считает уплату всей суммы. Возможность такого соглашения косвенно подтверждена НКЮ в разъяснении № 1128 от 17/VIII—1924 г. (см. Гражд. Кодекс под ред. Александровского, 2 изд. 1926 г., стр. 570).

²⁾ Германский закон 1894 г. приближается к определению по субъекту.

Сторонники сохранения за продавцом права собственности до полной оплаты или оплаты 60% ссылаются, во-первых, на ст. 3 закона, запрещающую покупателю пользоваться вещью способами, нормально несвойственными ее природе: такое запрещение по адресу собственника было бы излишним, во-вторых,—на право продавца требовать возврата вещи, в-третьих,—на обязанность покупателя в случае возврата вещи продавцу уплатить ему за пользование ею и, в-четвертых,—на ст.ст. 3 и 4 закона, устанавливающие уголовную ответственность покупателя по ст. 185 (ныне ст. 168) У. К. за отчуждение вещи или ненадлежащее обращение с ней. Сторонники перехода собственности к покупателю с момента заключения сделки в свою очередь ссылаются: 1) на общую норму—статья 66 ГК, 2) на историю закона 10 октября 1923 г., 3) на ст. 3 закона, запрещающую покупателю отчуждать купленное с рассрочкой платежа имущество (если бы, говорят они, собственником продолжал быть продавец, то такое запрещение было бы излишним) и 4) на цель закона.

Не останавливаясь на догматическом анализе соответствующих статей закона, можно на основании приведенных противоположных аргументов констатировать необходимость внесения полной ясности в этот вопрос.

Если признать желательным, с точки зрения цельности конструкции закона, переход права собственности к покупателю с момента заключения договора, то интересы продавца должны быть обеспечены путем установления его залогового права, идущего впереди привилегированных категорий ст. 101 ГК. Если продавец сохраняет за собой право собственности, то он при описи и продаже имущества покупателя по другим его долгам всегда может предъявить иск об исключении этого имущества из описи. В отношении налогов это прямо признано Наркомфином (см. выше). Закон о купле-продаже с рассрочкой платежа, как мы видели, не имеет целей охраны третьих лиц, его единственная цель—охрана интересов потребителя с одновременным максимально-возможным обеспечением интересов продавца. Значит, если в интересах покупателя необходимо признать его право собственности с момента заключения сделки, то в интересах промышленности, а в итоге и в интересах сбыта установить специальное залоговое право продавца, идущее впереди всех привилегированных претензий, перечисленных в ст. 101 ГК.

Другой болезненный вопрос нашей практики—это вопрос о выдаче покупателем продавцу векселей. Выдача векселей обыкновенно рассматривается как учинение расчета по сделке. Продавая малоимущему потребителю в кредит, производственное предприятие, как мы видели, не может заключить обыкновенной кредитной сделки и получить векселя. Вместе с тем оно не может отказаться от получения векселей, ибо, продавая по договору с рассрочкой платежа и не получая взамен оборотных средств, оно этим самым финансирует покупателя, обычно не имея само достаточных оборотных средств. Практическим выходом из положения явился бы прием банками таких договоров к учету. Но уступка продавцом своего требования банку не обеспечила бы полностью последнего. Отсюда необходимость выдачи покупателем векселей не в расчет по сделке, а в целях оборотов продавца. Эти векселя, конечно, не являются ни дружескими, ни безвалютными. В договор лишь вписывается условие о том, что получение денег по векселю

засчитывается в счет очередного платежа, при чем для удобства расчета сроки платежей по договору и по векселям обычно совпадают. Возможность выдачи таких векселей точно предусмотрена ст. 8 Укр. закона 1924 г. Наш закон 10 октября 1923 г. обходит этот вопрос молчанием. Судебная практика не однородна. Так, пленум ВАК при ЭКОСО РСФСР, рассматривая 15 ноября 1926 г. (протокол № 13) аналогичный вопрос, признал, что иск «основан на договоре, при чем взыскивается та часть договорной суммы, в уплату коей выданы векселя, что при таких условиях иск может быть предъявлен не на основании договора, а только по векселям».

Если судебная практика пойдет по намеченному ВАК РСФСР пути, то промышленные предприятия, лишенные возможности получать по продажам с рассрочкой платежа векселя, принуждены будут значительно сократить число таких продаж.

Высказываемое иногда возражение, что продавец, получив векселя, сможет искать как по договору, так и по векселям, легко отпадает, ибо выдача покупателем векселей видна из договора и если бы продавец, взыскивая по договору, не представил к делу векселей, то таковые всегда могут быть истребованы судом не только по просьбе ответчика, но и по собственной инициативе суда.

Вопрос усложняется, когда продавцом получены исполнительные надписи на векселях. Продавец-вынужден получать исполнительные надписи из простого опасения, что по истечении двухмесячного срока ему придется предъявлять иск в общеисковом порядке и платить вместо $\frac{2}{10}\%$ до 6% судебных пошлин. Исполнительную надпись можно рассматривать как суррогат судебного решения и можно было бы прийти к выводу, что с момента получения исполнительных надписей на векселе предъявление иска по договору о возврате имущества становится невозможным. Однако, такое слишком формальное построение грешило бы двумя недостатками: а) исполнительная надпись на векселе не заменяет судебного решения, ибо во изменение прежней практики обжалования судебных приказов в кассационном порядке ст. 51 положения о нотариате устанавливает, что «жалобы на учинение исполнительных надписей... рассматриваются судом с проверкой доказательств и с вызовом сторон, и б), во-вторых, иск о возврате имущества, проданного с рассрочкой платежа, основывается не на обязательстве, а на вещном праве продавца, т.-е. на другом основании. Эту мысль косвенно подтверждает циркуляр НКЮ № 122 от 1 июля 1926 г. и приложенный к нему типовый проект крестьянского обязательства, выдаваемого при приобретении сельхозинвентаря. Пункт 3 этого обязательства предусматривает возврат сельхозинвентаря продавцу в случае, если покупатель «не уплатит в добровольном или принудительном порядке» трех последовательных платежей. Т. е. право продавца на получение векселей не может быть поколеблено и с процессуальной стороны.

В целях внесения исчерпывающей ясности необходимо по этому вопросу специальное указание закона аналогично ст. 8 украинского закона.

Не соответствует нашей торговой практике и указанное в ст. 5 право продавца потребовать возврата вещи или уплаты всей суммы лишь при просрочке покупателем трех последовательных платежей. При продажах, аналогичных продажам Госнвешмашин или Музпреда, продавец может установить любое число платежей (например, при рассрочке на 1 год и еженедельных взносах число платежей будет 52) и установленная законом просрочка трех последовательных платежей не стесняет излишне продавца. Иное дело—при продаже машин и предметов оборудования про-

что собственность сохраняет продавец; среднюю позицию занимает А. М. Винавер (Купля-продажа 1924, стр. 62), считая, что собственность переходит к покупателю по уплате им 60% покупной цены. С. Н. Ландкоф % (Купля-продажа с рассрочкой платежа, 1925, стр. 22) полагает, что, несмотря на молчание закона, практика признает право собственности за покупателем.

мысленных предприятий. Покупатель мельничного, маслобойного и др. оборудования не в состоянии платить еженедельно или даже ежемесячно; ему легче всего платить посезонно или поквартально. В этих случаях ждать трех последовательных неплатежей для продавца означает не иметь возможности получить обратно имущество при неплатеже¹⁾.

Думается, что интересы покупателя не пострадали бы, если вместо трех последовательно просроченных платежей закон ограничился бы двумя, но вместе с тем, следуя германскому закону, ввел бы минимальную сумму этих просроченных платежей, установив такой минимум, примерно, в $\frac{1}{3}$ суммы сделки. На покупателе, уплачивающем частые взносы, такое изменение закона не отразилось бы; при 24 взносах неплатеж трех взносов составил бы ту же $\frac{1}{3}$ сумму сделки. В тех же случаях, где сумма сделки разделена на небольшое число взносов, там уменьшение числа неплатежей до двух создаст большую обеспеченность продавца.

Вызывают значительные возражения и другие положения закона: риск случайной гибели вещи, коллизия интересов продавца и интересов оборота при отчуждении покупателем купленной с рассрочкой платежа вещи, порядок нечисления платы за пользование вещь при ее возврате продавцу и др. Не останавливаясь на них в настоящей заметке, следует прийти к выводу о настоятельной необходимости срочного пересмотра закона 10 октября 1923 г. во всех его частях.

И. Б.—е.

Общесоюзный закон о фирме.

Постановлением ЦИК и СНК Союза от 22 июня утверждено положение о фирме.

Статьей 2-ой и последней вводного закона ЦИК'ам союзных республик поручается привести в соответствие с положением о фирме законодательства союзных республик, но закон о фирме имеется только в законодательстве одной Украинской Союзной Республики (Постановление Совнаркома УССР от 25 сентября 1924 г.—«С. У. УССР» за 1924 г. № 39, ст. 252).

Первый вопрос, который возникает при нормировании фирмы, заключается в том, что следует считать фирмой—наименование владельца предприятия или наименование самого предприятия. Как известно, первоначально проект о фирме составлял часть, а именно раздел VII проекта торгового свода и в значительной степени послужил прообразом украинского закона от 25 сентября 1927 г., а также, хотя в меньшей мере, ныне опубликованного общесоюзного закона. Но в то время, как проект торгового свода говорит о фирме единоличного владельца, товарищества и т. д. и, таким образом, дает основание считать фирму наименованием владельца, украинский закон и закон общесоюзный от 22 июня употребляют выражение «фирма предприятия, принадлежащего» кооперативной организации, товариществу, единоличному владельцу, откуда следует, что советское законодательство считает фирму наименованием предприятия, а не владельца.

Фирма должна содержать указание предмета деятельности этого предприятия, вида госпредприятия (трест, синдикат), или вида кооперативной организации (потребительской, промысловой, сельско-хозяйственной), или вида

товарищества (акционерное общество, паевое товарищество, товарищество с ограниченной ответственностью, полное, на вере), или фамилии владельцев, а для госпредприятий еще и того госоргана, в непосредственном ведении которого оно состоит; сверх того,—указание, необходимое для отличия данного предприятия от других однородных (специальное наименование, номер).

Особенностью нового закона является то, что им учтена двойственность фирмы—полное и сокращенное наименование предприятий, что особенно распространено у нас. Если защитой закона будет пользоваться только полное наименование, то этого будет недостаточно, прежде всего, для госпредприятий, большинство которых более известно широкой массе потребителей под своим сокращенным наименованием («Сахаротрест», «Резинотрест», «Госшвеймашина», «Москвошвей» и проч.). Поэтому общесоюзный закон, повторяя положение, имеющееся в украинском законе, о том, что сверх вышеуказанных составных частей фирмы в нее можно включать и другие обозначения, добавляет—«в том числе сокращенное фирменное наименование» (ст. 7). Это добавление дает основание распространить право исключительного пользования фирмой и на сокращенное наименование при условии, что оно было включено в полное (ст. 8).

Разрешая включать в фирму сверх обязательных указаний и другие обозначения, закон определяет, что не должно быть включено в фирму.

Союзный закон ограничивается краткой формулой: «не допускается включать в фирму обозначения, способные ввести в заблуждение»; содержание этой формулы с достаточной определенностью охватывает все нужные случаи.

Закон охраняет исключительное право пользования фирмой, но зато налагает обязанность в каждом магазине, конторе и другом заведении предприятия на видном месте помещать надпись с обозначением полного фирменного наименования.

С какого момента возникает право на фирму?

По украинскому закону право на фирму возникает с момента регистрации ее в торговом реестре (ст. 11). Союзный закон считает моментом возникновения права момент фактического пользования, но при этом устанавливает, что фирменное наименование особой регистрации независимо от регистрации предприятия не подлежит. Казалось бы, такая оговорка излишня, поскольку возникновение права зависит не от регистрации, а от фактического пользования. Однако, она имеет свой смысл, который заключается в том, что юридические лица возникают с момента их регистрации, а так как они регистрируются под своей фирмой и, следовательно, в этот момент уже фактически пользуются ею, то можно утверждать, что момент возникновения права на фирму юридических лиц совпадает с моментом их регистрации.

Момент прекращения права на фирму определяется общесоюзным законом одинаково с соответствующим постановлением украинского закона (ст. 14); оно прекращается при прекращении самого предприятия, а также при переходе предприятия к новому владельцу, если он не получил вместе с предприятием права пользоваться прежней фирмой (ст. 13). В последнем случае новый владелец может пользоваться прежней фирмой на праве исключительного пользования, но с добавлением к фирме указания на свое преемство. Отдельно от предприятия право на фирму отчуждать нельзя (ст. 12). Это запрещение устанавливается в интересах потребителей, которые могли бы быть таким способом введены в заблуждение.

¹⁾ При продаже сель.-хоз. оборудования взносы часто устанавливаются один раз в году—см. Бельдюгин «Законы о снабжении крестьян сел.-хоз. орудиями» Юрид. Изд. НКЮ РСФСР 1926, стр. 16.

Нарушением права на фирму считается пользование фирмой как тождественной, так и сходной с чужой фирмой; в этом отношении наблюдается аналогия с конструкцией исключительного права на товарный знак, которое также запрещает пользование не только тождественным, но и сходным товарным знаком; в значительной степени пользование фирмой и товарным знаком имеет одну цель — отличие товара определенного предприятия от однородных товаров всех других предприятий. Запрещение имеет целью не только охранить интересы предпринимателя, но и оградить потребителя от введения его в заблуждение. В виду этого закон о товарных знаках предоставляет право преследования за пользование чужим товарным знаком не только обладателю такового, но и некоторым правительственным учреждениям — ВСНХ, НКТоргам и их местным органам. Проект торгового свода (ст. 96) и украинский закон о фирме (ст. 16) предоставляли право иска наряду с потерпевшим еще прокуратуре, заинтересованным ведомствам и их местным органам. Общесоюзный закон дает право преследования только обладателю права на фирму.

Нарушение исключительного права на фирму влечет как гражданскую, так и уголовную ответственность.

Пользование чужой фирмой или сходной с ней в порядке гражданской ответственности влечет помимо прекращения незаконного пользования еще и возмещение убытков; сверх того, согласно законодательствам союзных республик, предусматривается и уголовная ответственность, а именно — в уголовных кодексах союзных республик по ст. 199 (а по Уголовному Кодексу РСФСР изд. 1926 г. по ст. 178), «самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции... чужой фирмой или чужим наименованием» карается принудительными работами или штрафом. Издание общесоюзного закона вызывает необходимость приведения редакции этой статьи в соответствие с положениями закона о фирме.

М. Венецианов.

Увольнение по п. „д“ ст. 47 КЗоТ.

Весьма коротко изложенная норма закона, выраженная в п. «д» ст. 47 КЗоТ, с самого начала на практике вызвала чрезвычайно большую трудность единообразного ее применения и создала необходимость самого различного толкования в отдельных конкретных случаях. Появившееся затем детальное ведомственное разъяснение этой статьи (пост. НКТ от 21.V—25 г.) в значительной степени помогло изжить недоумения и уничтожить противоречивое применение.

Но только в значительной степени, а не совсем, ибо жизнь продолжает выдвигать положения, из которых нельзя найти выхода в текстах ни закона, ни разъяснения. О том, что увольнение по п. «д» ст. 47 КЗоТ является и до сих пор одним из наиболее спорных вопросов трудового законодательства, доказывалось как чрезвычайно большим количеством судебных дел, возникающих на этой почве, так и включением его в число спорных вопросов судебной практики по трудовым делам, для установления единой линии по которым при отдельных судах созданы специальные комиссии (см. «Прол. Суд» № 11—12, стр. 13).

Так, напр., только практикой дополнены закон и разъяснение НКТ в отношении случаев увольнения при прекращении возбужденных уголовных дел по прим. к ст. 6, ст. 8 УК или по недостаточности улик (ст. 202 УК). Но на практике продолжают возникать и дальнейшие осложнения. Бывают случаи, когда увольнение происходит в полном соответствии с указанным разъяснением НКТ: после

вступления в законную силу обвинительного приговора. А по прошествии некоторого времени дело по обвинению напавшегося перепесено в Пленум Верх. Суда, где и подвергается коренному изменению: приговор суда отменяется, равно как и определение кассационной инстанции, утвердившей этот приговор, а самое дело производством прекращается за отсутствием состава преступления.

И вот тогда возникает вопрос, на который не найти написанного ответа: вправе ли напавшийся требовать восстановления в должности и уплаты за прогульное время и влияет ли и в какой мере такой конечный исход дела на состоявшееся расторжение труд. договора.

О том, что этот вопрос сугубо практического свойства, говорить не приходится. Помимо значения для трудящихся, вообще заинтересованного в сохранении работы, то или иное разрешение вопроса создает разные последствия для напавшего, в зависимости от вынужденного продолжения прежних трудовых отношений.

Не вызывает никакого сомнения, что произведенное односторонне напавшим расторжение труд. договора после вступления в законную силу обвинительного приговора является совершенно правильным и в полной мере соответствующим и тексту п. «д» ст. 47 КЗоТ и ст. 6 разъяснения НКТ от 25.V—25 г.

Если же увольнение произведено правильно, то о каком восстановлении в должности в принудительном порядке может идти речь, когда разъяснение Пл. В. С. от 7.II—27 г. прямо и точно указывает на возможность судебного восстановления в должности только в случаях неправильного увольнения, произведенного не в соответствии с одним из поводов, указанных в КЗоТе. Таким образом, у трудящегося в приведенном случае нет права на предъявление иска о восстановлении в должности. Но в таком случае получится, что трудящийся уволен, когда обвинительного приговора о нем не существует и расторжение труд. договора произошло, когда повода, легального повода, указанного в КЗоТе, нет. Ибо приговор отменен, его как бы и не было, и самое дело прекращено, так как в действиях его нет состава преступления. Образуется как-будто круг, разомкнуть который можно, только разрешив один вопрос: может ли правильное расторжение трудового договора по каким бы то ни было причинам стать неправильным.

И вот, подходя к разрешению этого вопроса, надо сказать, что, конечно, отмена Пленумом приговора аннулирует его; конечно, прекращение дела за отсутствием состава преступления уничтожает судимость, реставрирует субъекта во всех правах и проч.

Но делает ли эта отмена и это прекращение неправильным увольнение, произведенное в тот момент, когда приговор имел силу закона?

Ведь расторжение труд. договора не есть длящееся действие, которое на пути своем может встретить препятствие. Препятствие, если оно есть, должно существовать уже к моменту этого действия, т.-е. расторжения. А если его нет, оно не может возникнуть потом, ибо действие уже закончилось.

Другими словами: если препятствия для расторжения труд. договора нет в определенный, данный момент, оно не может уже появиться впоследствии и повлиять на состоявшееся увольнение, как не может заграждение остановить поезд, уже прошедший место, где это заграждение поставлено после прохода поезда.

Отмена обвинительного приговора и прекращение уголовного дела в отношении юридического действия — расторжения труд. договора — играет такую же роль, как заграждение, поставленное в том месте, которое поезд уже прошел.

Если таким образом поставленный вопрос нужно разрешить только в том смысле, что правильно произведенное расторжение труд. договора ни при каких последующих обстоятельствах не может стать неправильным, то отсюда надо сделать и дальнейший логический вывод: отмена приговора, вошедшего в законную силу после того, как труд. договор был расторгнут, в виду состоявшегося обвинительного приговора, не влияет на это расторжение, не аннулирует его, не делает его неправильным и не создает, следовательно, права уволенному требовать принудительного восстановления в должности.

Нет никакого сомнения, что при таком разрешении казуса остается какой-то осадок, ибо страдающим лицом в конечном итоге является тот, который реабилитирован в полной мере и отсутствие вины коего признано высоко авторитетной инстанцией.

Однако, в такой же мере ведь нет и вины панимателя и нельзя на него возлагать ответственность, нельзя его заставить нести последствия неправильного приговора. Быть может, если такой случай дошел бы до судебного рассмотрения, суд нашел бы выход, решив вопрос о трудовых взаимоотношениях, руководствуясь ст. 4 ГПК, но это не имеет значения с точки зрения разбираемого вопроса и только подтвердит высказанное вначале положение, что практика дает в плоскости применения п. «д» ст. 47 КЗоТ случаи, не предусмотренные ни законом, ни детальными ведомственными пояснениями этого закона и, следовательно, еще требующие своего разъяснения.

Д. Рейхсфельд.

Где обязательно предварительное следствие?

I.

Этот вопрос ставится под углом зрения, правильно ли построена ст. 108 УПК действующей редакции. Правда, тезис НКЮ о переработке уголовного процесса, о создании судебной милиции, в известной мере предпринимает вопрос. Однако, возможно, в ближайшем будущем этого и не будет, а следствие останется самостоятельной ступенью расследования и, таким образом, поставленный мной вопрос должен заострить внимание на редакции статьи о подследственности.

Бесспорно, что институт предварительного следствия—это стадия более серьезного и глубокого расследования по сравнению с дознанием, а отсюда, казалось бы, что и построение ст. 108 УПК должно исходить из принципа, что следствие обязательно по преступлениям, наиболее сложным по своему характеру.

На самом деле, при анализе этой статьи, с точки зрения сложности преступлений и техники их расследования, приходится прийти к заключению, что ст. 108 УПК перечисляет целый ряд преступлений, которые не настолько уже сложны, чтобы в них требовалось обязательное вмешательство следователя. К тому же практика убеждает, что органы дознания вполне или в достаточной степени с ними справляются и притом гораздо лучше, нежели в делах о должностных преступлениях. Я имею в виду преступления против личности (за исключением 136 ст. УК) и имущественные, по которым обязательно производство предварительного следствия. Практика показывает, что в громадном большинстве случаев следователю в пор. 106 ст. УПК направляются именно дела о преступлениях этой категории. Уже в стадии дознания они достаточно

проработаны и следователь прибегает в них к выполнению 109 и 110 ст.ст. УПК.

Мне кажется, с этим положением согласятся многие мои сотоварищи по работе (следователи), и в подтверждение его привожу цифровые сведения по своему участку за 1927 год по 1 октября. Правда, они не могут отражать общего состояния следственных участков других районов, по известной «средней» их можно признать.

За все время поступило 90 дел, из которых 38 дел пачаты по предложению прокурора и определению суда (42%), и дела эти на все почти 100% дела о должностных и хозяйственных преступлениях, где действительно требуется глубина расследования со стороны следователя преимущественно перед органом дознания. Остальные 52 дела, т.-е. 58%, направлены следователю в пор. 106 ст. УПК и приняты им к производству исключительно по требованию 1 ч. 108 ст. УПК, и интересно, что из этой категории дел 90—95% заканчиваются следователем путем применения 109 и выполнением 110 ст. УПК.

Невольно напрашивается вопрос: почему так широко применяется 109 ст. УПК? Во-первых, потому, что следователь часто, в виду большого радиуса своего участка, просто не в состоянии выехать на место происшествия, и органы дознания производят полное расследование, или хотя бы и выезжает, но дознание уже ведется, т. к. всякое промедление, связанное с ожиданием следователя, может в дальнейшем быть препятствием к раскрытию преступления; во-вторых, потому, что за десять лет органы дознания набрались достаточного опыта в технике расследования и справляются даже с делами наиболее сложной категории (о должностных преступлениях), а тем более у них удачнее проходит расследование преступлений против личности и имущественных. В делах о должностных преступлениях в самом начале необходимо еще установить факт преступления, т.-е. в процессе расследования всегда стоит вопрос о дисциплинарных последствиях, и когда преступление установлено, приходится в цепи должностных лиц (от «стрелочника» и выше) искать виновного. Тогда как, скажем при убийстве, самое преступление налицо, его нужно лишь подробно описать (протоколы осмотра) и, тут же собрав улики, приступить к установлению личности преступника. Это различие в сложности расследования дел различных категорий очевидно всем, и этим объясняется, что дела о должностных преступлениях сравнительно со всеми остальными расследуются медленнее.

Какие дела поступают следователю в пор. 106 ст. УПК? Приведенное выше количество—52 дела—распадаются следующим образом (берем их за 100%)¹⁾.

А. О преступлениях против личности.

1. Убийства	13 дел.
2. Телесные повреждения	4 „
3. Производство аборт	5 „
4. Изнасилования	7 „
5. Содержание прионов	2 „
Итого	31 дело или 60%

Б. О имущественных преступлениях.

1. Разбой	7 дел или 13%
---------------------	---------------

В. О должностных преступлениях.

1. Получение взятки (1 ч. 117 ст. УК)	4 дела.
2. Дача взятки	4 „
Итого	8 дел или 15%
Г. Прочие	6 дел или 12%
Всего	52 дела или 100%

¹⁾ Из 13 дел об убийствах квалифицированные убийства были по 6 делам; взятки имели характер мелкого взяточничества в деревне.

Из этого перечня, повторяю, 90—95% дел закончено путем применения 109 ст. УПК и лишь одно дело было возвращено на исследование и то вследствие несогласия с экспертизой. Отсюда ясный вывод, что дознание по ним производилось полно и органы милиции и УРО в полной мере с ними справляются.

Кроме того, это же является убедительным доказательством того, что по перечисленной категории дел требовать безусловно обязательного производства предварительного следствия нет никаких оснований.

На самом деле, из приведенных цифр 20 дел или почти 40% составляют дела о разбоях или убийствах с ограблением, где скорее требуется в большей степени розыскная работа и полезнее будут органы милиции и УРО, а следователь выступает только в роли руководителя; или же эти дела о детоубийствах и деревенском взяточничестве, т.е. такие, где техника расследования относительно элементарна.

Из этого, однако, не следует, что предварительное следствие необязательно по всем делам о преступлениях, перечисленных в приведенных выше цифрах. Нет. Бывают отдельные преступления (напр., убийства), обстановка которых чрезвычайно загадочна. Я хочу найти принцип, по которому в дальнейшем нужно будет строить перечень преступлений, где предварительное следствие обязательно. Мне кажется этим принципом должна служить сложность техники расследования той или другой категории преступлений. К ним нужно отнести контр-революционные преступления, преступления против порядка управления, должностные и хозяйственные, предусмотренные статьями УК, перечисленными в ст. 108 УПК действующей редакции. При расследовании их требуются известные политические познания, познания в области нашей экономики и т. п. На мой взгляд, сюда нужно отнести квалифицированные убийства, за исключением детоубийств.

Таким образом, я полагаю бы необходимым статью проектируемого УПК об обязательности предварительного следствия построить, примерно, в следующем виде:

Производство предварительного следствия обязательно по всем контр-революционным преступлениям, преступлениям против порядка управления, предусмотренным ст.ст. 59²—59³, 59⁸—59¹², должностным—ст.ст. 2 ч. 110, 1 ч. 112, 114, 2 ч. 115, 2 ч. 116, 2 ч. 117, 18 (когда последствия по 2 ч. 117 ст.), 119, хозяйственным—128, 129, 130, 131, 132, против личности—136 (за исключением детоубийств) и воинским преступлениям—19⁹, 2 и 3 ч. 193¹², 193¹³ и 193¹⁸ Уголовного Кодекса.

По всем остальным преступлениям следователь вправе, в зависимости от сложности обстоятельств и других условий, приступить к производству следствия самостоятельно или брать в свое производство любое дело от органов дознания, и, кроме того, предварительное следствие может быть поручено прокурором по любому делу.

Таким образом, из действующей редакции ст. 108 УПК, на мой взгляд, подлежат исключению ст.ст. 1 ч. 73, 2 ч. 95, 137—142, 151—155, п. «д» 162, 3 ч. 165 и 167 Уг. Код. по основаниям, изложенным выше, но органы дознания о пачатки этих дел должны немедленно сообщать следователю, чтобы он имел возможность в случае необходимости в любое время взять дело в свое производство.

Необходимость таких изменений диктуется практикой следственной работы. Это в известной мере упростит процесс расследования, сэкономит совершенно безболезненно для качества работы время у следователя, которое он потратит полезнее при расследовании других дел.

С этим положением, мне кажется, не могут не согласиться работники и следствия и прокуратуры и суда, и его нужно будет учесть при проработке нового Уг.-Проц. Код.

Нар. следователь 5 р-на Тамбовской у. и губ.

В. Филин.

г. Рассказово.

Не пора ли провести территориальное объединение судебно-следственных органов в городе *).

Кампания борьбы с волокитой, бюрократизмом и невнимательным отношением к посетителям, в особенности крестьянам, приобретает коаллсальное значение и занимает внимание как партийных, профессиональных организаций и советских учреждений, так и широкие трудящиеся массы.

Но для того, чтобы самым категорическим образом искоренить это зло, необходимо рационализировать государственный аппарат и поставить работу таким образом, чтобы все делалось быстро с прохождением меньшего числа инстанций.

Ни для кого не секрет, что работа судебно-следственных участков протекает в тяжелых условиях в ряде губерний РСФСР. С одной стороны, тяжелое материальное положение (низкая зарплата, непригодность помещений, недостаточность средств на хозяйрасчеты и т. д.), с другой стороны, чрезвычайная загруженность делами, что не позволяет быстро рассматривать дела, а если они и рассматриваются сверх предусмотренной НКЮ нормы дел, то, безусловно, в ущерб качеству. Вот почему мы бы считали необходимым и своевременным поднять вопрос о реорганизации системы нарсудов и нарследов в городах.

Мне кажется, что для проведения ряда мероприятий в области рационализации низового судебно-следственного аппарата необходимо в больших городах упразднение отдельных камер народных судов и нарследов и объединение их в один городской народный суд во главе с уполномоченным губсуда (или условно назовем его председателем горсуда) с тремя заместителями по уголовной, гражданской и трудовой части, следственной и судебно-исполнительной частями, с определенным числом народных судей.

Чего же мы здесь достигнем?

1) Мы сконцентрируем этот распыленный аппарат в одно целое.

2) Мы установим такой штат и такую систему, при которой можно будет быстрее, в лучшей обстановке работать.

3) Нам потребуется значительно меньшая норма жилой площади, но зато качеством лучше.

4) Мы будем иметь машинное бюро и избавимся от журналисток, которые пишут от руки 3 приговора в день.

5) Мы достигнем аккуратного вручения повесток, своевременного рассмотрения дел и своевременно проследим за выполнением приговоров и решений.

6) Мы достигнем экономии средств и бросим их на улучшение материального положения путем сокращения ненужных лишних сторожей, журналисток, деловодов, телефонов, почтовых расходов и литературы.

7) Мы будем все вместе и в любой момент сможем разрешить повседневные казусы в работе.

8) Мы сумеем лучше вести работу среди парзаседателей и общественно-правовую работу вообще.

9) Мы превратим нашего уполномоченного губсуда в действительного руководителя городского судебного центра.

*) Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

Если в настоящее время у нас, в г. Сталинграде, девять участков нарсуда плюс один участок, который предполаген к организации в 1928 г., 2 зап. судей и 2 члена трудсесии, канцелярия уполгубсуда, 4 следучастка и 5 судисполнителей со штатом в 88 человек, а с нового операционного года будет еще больше, а этот аппарат съедает в год 50.000 руб., а в 1927/28 г. потребуются 65.000 руб. и мы их добьемся, то при организации городского суда потребуются меньше средств, а именно: штат можно условно установить следующий: уполномоченный—1, зам.—3, нарсудей—8, следователей—4, секретарь суда—1, секретар. част.—2, пом. секретарей—7, машинисток—4, делопроизв.—5, журналистов—3, бухгалтер—1, комендант-завхоз—1, кассир судиспов—1, судиспов—5, сторожей—3, уборщиков—3, рассыльных—10, итого—63 чел.

Мы при таких условиях имеем экономии на 25 человек.

Пригородные поселки мы можем обслужить выездными сессиями, примерно 2 раза в неделю. В самом горсуде устанавливается дежурство народных судей, которые принимают посетителей и дают справки.

Проведя такую реорганизацию, мы достигнем более быстрого рассмотрения дел.

Если за первое полугодие 1927 г. 10 нарсудей рассмотрели 7.200 дел, то 5 составов суда по 12 дел на состав в день рассмотрят 1.440 дел в месяц, а за полугодие около 9.000, и население будет удовлетворительно обслужено.

Нам кажется, что уполномоченные губ. и главсудов на страницах «Е. С. Ю.» безусловно высказываются в сторону организации горнарсудов в городах. Губернские суды тоже возражать не будут, ибо такая система даст им возможность лучше руководить пизовым судебно-следственным аппаратом.

Итак, ждем мнения пизовых судебных работников.

Уполгубсуда по г. Сталинграду **Черняков.**

Прокуратура и печать в 1926 г.

(Итоги и практические выводы)

Так же, как и в предшествующие годы, в 1926 году взаимоотношения прокуратуры и печати проявились в трех основных направлениях: 1) в выступлениях прокуратуры в органах печати, 2) в связи с рабселькорами и 3) в реагировании на корреспондентские разоблачения.

Выступления в печати в основном преследовали те же цели, что и выступления на собраниях трудящихся: популяризовать среди широких масс трудящихся сущность и значение революционной законности, института советской прокуратуры, заострить внимание трудящихся на наиболее боевых вопросах, выдвигавшихся на протяжении того и иного периода в области борьбы с теми или иными видами преступности и нарушениями революционной законности, а далее—цели популяризации и пропаганды советского права.

На протяжении всего периода существования прокуратуры работа ее по выступлениям в органах печати количественно неизменно возрастала. Мы имеем 743 выступлений в органах печати в 1923 г., 695 в I п. 1924 г., 1137—во II п. 1924 г., 1922—в I п. 1925 г. и 1986—во II п. 1925 г.

Не представляет в этом отношении исключения и 1926 г.¹⁾, когда мы имеем по неполным сведениям 2457 выступлений в I п. 1926 г.

Так же, как и в отношении выступлений на собраниях трудящихся изучение опыта выступлений в органах печати позволяет установить на будущее время минимальную норму их, примерно, по одному выступлению в квартал на каждое лицо прокурорского надзора. Установление определенной минимальной нормы здесь также необходимо в целях ликвидации тех резких колебаний в числе выступлений, которые продолжают наблюдаться не только по отдельным губерниям, но и по отдельным уездам одной и той же губернии.

Так же, как и выступления на собраниях, и выступления в органах печати на протяжении 1926 г. приняли гораздо более плановый характер, чем в предшествующие годы. Темы для выступлений заранее намечались в квартальных планах.

Не приходится останавливаться особо и на темах выступлений в органах печати, ибо это значило бы повторить если не все, то большую часть того, что сказано было о докладах на собраниях.

Возрастающее внимание прокуратуры работе по обслуживанию деревни, естественно, сказалось и на дневной работе: в числе выступлений прокуратуры в органах печати все больший удельный вес падает на те, которые касаются интересующих деревню правовых вопросов. Таких заметок имеем в I п. 1926 г.—1.342, во II п. 1926 г.—1.269. Правда, здесь еще налицо резкие колебания по отдельным губерниям; так, например, помещено статей за I п. 26 г. по вопросам, затрагивающим интересы деревни: в Самарской губ.—62, Псковской губ.—42, Сталинградской губ.—8, Курской губ.—7, Новгородской губ.—3, Иваново-Вознесенской не было, Брянской—не было.

1926 г., далее, в области выступлений в органах печати характеризуется заметным усилением связи с стенгазетами, что имеет особо существенное значение в уездах, где не имеется других печатных органов. В Сибири по 9 округам за одно лишь II п. 1926 г. помощниками прокурора помещены были в стенгазетах 113 статей. В Смоленской, Астраханской и ряде других губерний значительно усилилась связь с редколлегией стенгазет.

Наконец, сюда же должно быть отнесено весьма значительное участие лиц прокурорского надзора в работе юридических отделов газет, в составлении популярной юридической литературы. Практическими выводами в области дальнейшего усиления и упорядочения работы по выступлениям в печати являются: 1) повсеместное установление и проведение строгой плановости выступлений, 2) более полное и систематическое использование стенгазет участковыми прокуратурами, 3) систематическое использование при выборе тем для выступлений в печати опыта выступлений на собраниях трудящихся (систематический учет вопросов и поданных записок), 4) вовлечение в данную работу большего числа помпрокурора, по возможности и следователей.

Связь с рабселькорами в течение 1926 г. осуществлялась в общем и целом в тех же формах, как и в 1925 г. Представители прокуратуры принимали участие на съездах, конференциях и совещаниях рабселькоров, кое-где даже являлись инициаторами организации таких съездов и совещаний.

Доклады и беседы прокуроров на совещаниях и съездах обычно заслушивались с большим интересом; так, например, по докладу на губсезде рабселькоров прокурора Читинск. окр. было около 200 вопросов, а в прениях по нему приняли участие 23 человека.

¹⁾ Действовавшие в 1926 г. формы статотчетности совершенно не отражали числа выступлений в печати, о которых имеются лишь сведения в части литературных отчетов.

Участие в совещаниях способствовало установлению деловой увязки и ликвидации отдельных недоразумений.

Из других методов связи с рабселькорами отчеты упоминают об индивидуальной связи с отдельными рабкорами и селькорами, о вхождении в некоторых местах помощников прокуроров в качестве членов в редколлегии стенгазет (Тейковский у., Иваново-Вознесенской губ. и др.), помещении статей в стенгазетах (Псков, Вологда) об обращении к рабкорским кружкам при стенгазетах с товарищескими письмами с просьбой высылать заметки для расследования (Лукояновск у. Нижегородской губ.), об обращениях отдельных рабкоров и селькоров в прокуратуру за различного рода разъяснениями по возникающим в практике рабселькоров юридическим вопросам и т. д. Интересные сведения об индивидуальной связи с рабселькорами дает отчет Астраханской губпрокуратуры, которой получено писем от рабселькоров в I п. 1926 г.—6, II п. 1926 г.—37; написано ответов и обращений в I п. 1926 г.—38, II п. 1926 г.—19.

Само собою разумеется, связь прокуратуры с рабселькорами нуждается в дальнейшем расширении и углублении. Местами она еще далеко недостаточна. Мы видим, как различны числа участия лиц прокурорского надзора в совещаниях рабселькоров по различным губерниям. В особенности недостаточна пока связь в уездах и сельских местностях. «Связь в уездах почти полностью отсутствует» констатирует прокурор Вятской губ. Из 7 уездов Тверской губ. в 5 совещаний с рабселькорами не было. Не было их и по 4 уездам Саратовской губ., в Тульской губ. на 41 район приходится всего 2 совещания.

Препятствием к установлению связи с рабселькорами в уездной и сельской периферии служило отсутствие во многих уездах органов печати, отсутствие или недостаток числа объединений и кружков рабселькоров.

Попрежнему прокуратура уделяла исключительное внимание борьбе с преследованиями рабселькоров. Исчерпывающие руководящие указания об усилении борьбы с этими преследованиями даны были в циркуляре № 3 НКЮ от 6 января 1926 г. («Е. С. Ю.» № 3 за 1926 г.). Не останавливаясь подробно на содержании данного циркуляра, отмечу лишь в качестве наиболее существенного его момента признание уголовной наказуемости угроз с целью воспрепятствования общественной работе селькора.

За скорым и правильным расследованием дел о покушениях на рабселькоров наблюдают не только местные прокуроры и их помощники, но и непосредственно Центральная Прокуратура. Что касается движения дел о преследованиях рабселькоров, то за 1926 г. оно выразилось:

Вид преследования.	1-я четверть	2-я четверть	3-я четверть	4-я четверть	Всего.	Примечание
а) Убийство . . .	1/7	0/3	1/5	0/7	2/22	1) Числитель — данные в отношении рабкоров, знаменатель — селькоров.
б) Покушение на убийство . . .	1/6	1/4	1/3	0/2	3/15	
в) Избиение . . .	2/4	2/5	0/5	1/2	5/16	2) Составлены по материалам, поступившим в порядке циркуляра НКЮ № 258 и 23—25.
г) Покушение на избиение . . .	1/2	0/2	—	—	1/4	
д) Поджог . . .	0/1	0/2	0/1	—	0/4	
е) Оскорбление . .	0/1	0/2	0/1	—	0/4	
ж) Увольнение со службы . . .	0/1	1/1	3/3	0/1	4/3	
з) Угрозы . . .	0/1	—	—	—	0/2	
и) Прочие . . .	1/1	1/2	1/3	0/5	3/11	
	6/25	5/19	0/17	1/17	16/78	

Таким образом, подавляющее число дел о преследованиях, возникших в 1926 г., падает на преследования селькоров (81,4%),—и притом в наиболее резкой форме—в форме убийств и покушений на убийство и избиений (из 78 дел 57, или 73%).

В отношении мотивов преследования рабселькоров имеем 25 случаев (26%) преследования на почве общественной деятельности рабселькоров, 34 случая (35,4%)—на почве личных счетов, не связанных с общественной деятельностью корреспондента (оскорбления, ссоры и пр.), 22 (33,3%), на почве хулиганских настроений и прочих по недостаточности выясненным мотивам.

Таким образом, только 26% возникших дел о преследованиях рабселькоров падают на преследования, ярко и определенно направленные против рабселькоров, как таковых.

Каков же социальный состав преследователей рабселькоров? Из 163 лиц, привлеченных в качестве обвиняемых за преследование рабселькоров, социальное положение 15 остается невыясненным, из прочих 152 на рабочих падает 14 (9,2%), на крестьян 101 (66,4%), 37 (24,4%) служащих. Крестьянская группа (101) преследователей в свою очередь распадается на следующие прослойки: 17 бедняков, 38 середняков, 26 кулаков и 24 невыясненных.

Что же касается данных о партийной принадлежности преследователей, то по случаю неполноты их включить их не представляется возможным. Сопоставление данных о преследованиях рабселькоров за 1924, 1925 и 1926 г.г. дает следующие результаты:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Убийств	9	18	24
Покушений на убийство . . .	27	30	18
Избиений	19	36	21
Покушений на избиение . . .	3	8	3
Поджоги	3	5	1
Оскорбления	11	4	4
Увольнений со службы . . .	6	11	7
Угрозы	9	4	2
Прочих	2	7	14

Приведенные цифры дают лишь приблизительную картину числа преследований, имевших место в действительности. Несомненно, ряд фактических имевших место преследований мог и не найти отражения в приведенных цифрах, за невозбуждением по тем или иным причинам соответствующих дел рабселькорами. С другой стороны, необходимо отметить, что часть дел о преследованиях рабселькоров приходилось направлять на прекращение в виду того, что в действительности никакого преследования не было.

В одном случае, например, селькор (Вотской области) создал обвинение о покушении на жизнь его против лиц, уличивших его в хулиганстве.

В другом случае, при расследовании неправильного увольнения оказывается, что рабкор фактически уволен был за небрежную и недобросовестную работу; им в течение 14 месяцев пропущено было 135 рабочих дней (Москва). «Три года—пишет прокурор Брянской губ.—общественное мнение Брянской губ. было приковано к различным жалобам селькора. Дело интересовали «Правда», ЦК Партии, Прокурор Республики, два раза выезжали авторитетнейшие комиссии на место для защиты селькора, а в результате М. оказался проходимцем».

Там, где факт преследования подтверждался, прокуратура принимала деятельное участие в процессе.

По пути скорого расследования дел о преследованиях рабселькоров встречались подчас значительные и специ-

фические затруднения, в особенности в тех довольно частых случаях, когда преследование выражалось в форме неправильных увольнений. Наблюдались такие факты, когда, например, под нажимом администрации фабзавкомы иногда давали санкции на увольнение, по существу незаконное, по благодаря таким санкциям получившее с внешней стороны формально законное основание. Как отмечает прокурор Московской губ., главная трудность в том и заключалась, что увольнения часто с формальной стороны были правильны. То же отмечает и прокурор Ленинградской губ., указывая, что «характер преследований рабкоров резко изменился; они сводятся к нажимам по службе или по работе (в учреждениях и на заводских цехах) со стороны мастеров и часто со стороны прочего низшего административного персонала. Увольнение с работы или понижение с формальной стороны обставлялось настолько правильно, что даже сам уволенный рабкор лишь через несколько месяцев после увольнения догадывался о том, что его уволили за корреспондентскую деятельность. Эти факты отмечены в выступлениях рабкоров, и доказывают необходимость особо умелого и глубокого расследования соответствующих случаев.

В качестве практических выводов, приведенных данных о борьбе с преследованиями рабселькоров, таким образом, напрашивается: 1) необходимость неослабления этой борьбы в дальнейшем и проведения всех мероприятий, указанных в п. № 3 за 1926 г.; 2) изучения способов более реальной борьбы с незаконными увольнениями рабселькоров; 3) так как в практике применения п. № 3 1926 г., предлагавшего не дергать рабселькоров излишними вопросами, в 1926 г. местами наблюдались неправильные уклоны, выражавшиеся в том, что рабселькору вовсе не допрашивались, в случае, когда вопрос их был безусловно необходим для всестороннего расследования, необходимо в дальнейшем устранить подобные явления, имея в виду, что циркуляр ставит своей задачей оградить рабселькоров от излишних дерганий, но отнюдь не предполагает полное устранение вопросов их в тех случаях, когда это безусловно необходимо для раскрытия преступления.

В 1926 г. впервые Прокуратурой Республики введена была единообразная форма статистической отчетности по заметкам печати, на которые реагировала прокуратура. Благодаря этому, в отличие от 1923—1925 гг. (когда о количестве таких заметок имелись лишь отрывочные сведения по отдельным губерниям), за 1926 г. имеется возможность оперировать более полными и исчерпывающего характера данными в общереспубликанском масштабе.

Количественная сторона работы и реагирование на корреспондентские заметки характеризуются прежде всего следующими данными.

По 40 губ. и областям (не включены сведения по Сибири и Нижегородской губ.) прокуратура реагировала на 28.509 заметок в I п. 1926 г. и на 31.382 заметок во 2 п. 1926 г., всего на 59.891 заметок. Вместе с остатком незаконченных дел по заметкам от 1925 г. находилось в производстве 72.158 дел.

Наряду с увеличением числа заметок по одним прокуратурам, заметно довольно резкое снижение по другим.

В общем в 1926 г. заметно усиление той тенденции к количественному снижению реагирования прокуратуры на заметки печати, которая наблюдалась и в 1925 г. Указанная тенденция не может быть объяснена ни снижением роли печати в борьбе за революционную законность, ни ослаблением внимания прокуратуры к разоблачениям печати.

Она в большинстве случаев является результатом упорядочения работы по реагированию на корреспондентские заметки.

Упорядочение шло в двояком направлении. Во-первых, большее число прокуратур чем в 1925 г. в отчетном вступило на путь размежевания данной работы с работой других органов в целях устранения вредного параллелизма, выражавшегося в том, что по одной и той же заметке производили расследование различные ведомственные органы, при чем прокуратуре иногда направлялись редакциями такие заметки, которые к борьбе с нарушениями революционной законности никакого отношения не имели.

Для расследования одной из редакций препровождается, например, заметка, содержание которой сводилось к тому, что такой-то комсомолец Бельского уезда, состоя в комсомоле 2 года, ни одной газеты не выписывает и не читает. Или препровождается на расследование заметка под заголовком «кто виноват», из содержания которой, однако, абсолютно никаких злоупотреблений и вообще нарушений революционной законности усмотреть невозможно.

Во-вторых, некоторыми губпрокурорами проведено разграничение работы не только по отношению к другим ведомственным органам, не только «вовне», но и «внутри» между губернской камерой и участковыми помощниками прокурора. Разграничение производилось таким образом, что за губернскими управлениями прокуратуры оставалось непосредственное наблюдение только за заметками, имеющими большое общественное значение, в отношении же прочих заметок—непосредственное наблюдение всецело возлагалось на ответственность участковых камер, губернские же управления прокуратуры ограничивались истребованием периодических статистических сведений.

Но в отношении разграничения по последней линии Центральной Прокуратуре пришлось сделать одну существенную оговорку. Дело в том, что если против передачи непосредственного наблюдения за заметками участковым помощникам не могло быть возражений, если вполне рациональным представляется устранение такого порядка, при котором участковый помпрокурора только тогда приступает к расследованию по заметке, когда получает в каждом отдельном случае специальное предложение губпрокурора, то из этого отнюдь не следует, что губернские (окружные, областные) управления должны совершенно устраняться от самостоятельного учета и контроля или ограничиваться лишь периодическими истребованиями соответствующих статистических сведений. При наличии ряда участков, где работа еще не поставлена на должную высоту, более правильно поступают те губпрокуратуры, которые, предоставляя всецело инициативу участковым камерам, в то же время всем заметкам в губернском масштабе ведут самостоятельный и систематический учет (путем хотя бы наблюдательных производств).

Разумеется, это не значит, что такой учет следует поставить так, как его характеризует прокурор Читинского округа, где параллельная регистрация заметок, оказывается, весьма часто происходила в одной комнате, на двух рядом стоящих столах и «в одном шкафу хранятся два совершенно однородных наблюдательных производства, два настольных реестра». Ясно, что там, где налицо такие условия, параллельная регистрация есть совершенно бессмысленная трата времени и средств. Но ведь такие условия составляют не правило, а исключение. Точно также не соответствует указанному выше порядку и такое положение вещей (как напр., по Новгородской губ.), когда губернское управление совершенно устраняет участковую прокуратуру (исключение сделано лишь для Боровичского участка) от работы по реагированию на корреспондентские заметки, всецело беря эту работу на себя.

При анализе количественной стороны работы прокуратуры по реагированию на разоблачения печати в течение

1926 г., необходимо далее иметь в виду, что речь идет не только об опубликованных заметках, но и заметках неопубликованных, число которых по ряду губпрокуратур весьма значительно. Так, например, из прошедших через Архангельскую губпрокуратуру 320 заметок опубликованных было всего лишь 66, а прочие 254 принадлежали к числу неопубликованных; по Вотской автономной области имеем 568 опубликованных и 313 неопубликованных, по Калужской губ. 444 опубликованных и 313 неопубликованных, по Костромской 738 неопубликованных и 60 опубликованных (I п. 1926 г.).

Но что особенно важно подчеркнуть, это громадный рост в общей сумме заметок тех, которые касаются исключительно деревни, т. е. заметок селькоров.

В общей сложности имеем по 39 губ. из общего числа 22.708 заметок корреспондентов за I п. 1926 г. 18.488 «деревенских», что составляет в среднем 66,7%, во II п. имеем из 31.382 поступивших заметок 20.937 деревенских, или 66,7%.

Содержание обращенных к расследованию заметок попрежнему касается разнообразных нарушений революционной законности, но преимущественное внимание они уделяют борьбе с теми видами преступности, борьбе с которыми придавалось ударное значение. Отсюда относительное преобладание заметок в должностных преступлениях, растратах, хулиганстве и т. д. Так, например, 22,2% всех заметок за I пол. 1926 г. в Московск. губ. разоблачали различные должностные преступления; 11,8% заметок касались хулиганства; 8,5% заметок—нарушений законов о труде, 5,8%—бесхозяйственности и т. д. В Северо-Кавказском крае растраты и бесхозяйственности касались в I п. 1926 г. 45% заметок. По Орловской губ. злоупотреблений касаются 35,6%. Значительное внимание уделяли заметки борьбе с бюрократизмом и волокитой. Отчет Ленинградского губпрокурора за II п. 1926 г. приводит несколько ярких случаев бюрократизма, разоблаченных в печати.

В результате разоблачений печати имеет место:

	Возбужден. угол. пресл.	Возбужден. дисциплин. пресл.	Предложен. об отмене незакон. постановлений.	Проц. чих.
1 п. 1926 г.	11.484	714	307	15.568
2 п. 1926 г.	13.891	711	415	16.051

Степень подтверждаемости разоблачений печати характеризуется следующими данными:

	Всего закончено производством.	Из них подтвердилось.	Случаев заведомо ложных замечаний.
1 п. 1926 г.	$\frac{24.074^1}{828}$ (160%)	12581 (50,5%)	2635 (10,5%)
2 п. 1926 г.	$\frac{28.859}{1.198}$	16058 (53,6%)	$\frac{1937}{428}$ (7,9%)

По отдельным губерниям имеем довольно резкие отступления от только что приведенных средних цифр.

По ряду губерний II п. 1926 г. дает значительное повышение процента подтверждаемости заметок, как, например:

¹⁾ Знаменатель означает число расследований, законченных с преданием суду.

Сравнительные данные % подтверждаем.

1 п. 1926 г. 2 п. 1926 г.

Рязань	44%	46%
Псков	48%	67%
Сталинград	43%	54%
Амурский округ	33%	42%
Владивосток	36%	44,8%
Читинский округ	18,1%	40,6%
Орел	32,2%	41,2%
Тверь	57,1%	64,2%
Вятка	53%	54,4%
Новгород	59%	69%
Москва	59%	65%

Борьба с медленностью расследования корреспондентских разоблачений наталкивалась на целый ряд объективных затруднений. Территориальная разбросанность отдельных районов, недостаточная численность состава городской милиции, перегрузка ее разнообразными обязанностями, недостаточная квалификация части работников дознания и следствия—все это не могло не отразиться крайне отрицательным образом не только на темпе, но подчас и на качестве расследования:

«Причина медленности в том—пишет прокурор Читинского округа,—что газетная заметка направляется прокурором в районную милицию, лежит там по нескольку месяцев, так как есть такие заметки, которые затрагивают интересы граждан села, находящихся в большой отдаленности от места резиденции вол. или раймилиции, которая за отсутствием средств не может туда выехать. А рассогнание эти измеряются десятками, а часто и сотнями километров».

Точно также характеризует положение и прокурор Нижегородской губ. «Никакие напоминания об ускорении производства расследования не помогают, а возбуждение дисциплинарного преследования сталкивается всегда с вопросом об объективных обстоятельствах, т. е. крайней перегрузке органов дознания и следствия. В результате только по небольшому числу заметок удается получить результаты в течение 1 месяца после опубликования, расследование же большинства затягивается на 2—3—4 месяца».

На ряду с этим наблюдались случаи и халатного отношения к расследованию; в Барятинской волости, например, обнаружены были в производстве заметки с декабря 1925 года.

Кроме того, продолжают иметь место задержки в представлении необходимых для дальнейшего движения заметок справок со стороны различных запрашиваемых органов. С подобными явлениями прокуратура веда и ведет борьбу путем возбуждения дисциплинарного, а в некоторых случаях и уголовного преследования, путем воздействия через местные руководящие органы.

Все же мы имеем ряд указаний на ускорение темпа расследования в 1926 г. сравнительно с предшествующим годом.

Так, например, в Тамбовской губ. процент заметок законченных расследованием в срок до 1 месяца, повысился за I п. 1926 г. с 16% до 56%. В Череповецкой губ. большинство заметок заканчивалось производством в 1—2 недели, в Мурманской губ. в 2—3 недели, в Ярославле (по городу) в 1½—2 недели. Процент заметок, находящихся в стадии расследования свыше 3 месяцев в Сев. Кавк. повысился с 46% (во II п. 1925 г.) до 40% в I п. 1926 г.; скорость расследования заметок в Сибири за II п. 1926 г. выразилась: 38% закончено до 1 месяца, 33%—до двух месяцев, 18%—до 3 месяцев и 11%—свыше трех месяцев. В Уральской области срок нахождения заметок в стадии расследования сократился с 81,9 дн. до 66,8 дней.

Вместе с тем из сказанного ясно, что борьба с медленностью продолжает оставаться одною из существеннейших задач и, таким образом, законченной считаться не может.

Об этом можно судить по остатку незаконченных к 1 июля с. г. дел, который по 40 губ. выражается в 14.778, из них 5.221 или 35,3% в производстве свыше трех месяцев; те же цифры на 1 января 1927 г. выразились: осталось незаконченными 14.952 заметки, из них 4.898, или 32,7%, свыше трех месяцев.

По отдельным губерниям имеем еще более резкие по величине цифры. В Таганрогском округе имеем в конце II п. 1925 г. 26,6%, I п. 1926 г.—56,1%, II п. 1926 г.—62,9% дел в остаток свыше трех месяцев.

Таким образом: 1) борьба с медленностью и волокитой исследования по корреспондентским заметкам продолжает сохранять свое актуальное значение и впредь; 2) практика ряда губпрокуратур, выражающаяся во включении в полугодовые планы своих работ производство периодических глубоких проверок и обследований движения дел по разоблачениям печати, заслуживает повсеместного распространения; 3) необходимо усилить число случаев привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности за халатность, волокиту и бумажные отписки при расследовании разоблачений в печати; 4) желательно продолжение дальнейшего точного разграничения работы по реагированию на разоблачения печати как между прокуратурой и другими органами, так и между губернскими управлениями и участковыми камерами прокуратуры, беря за критерий разграничения в первом из указанных направлений—содержание заметки (т.-е. оставляя за прокуратурой реагирование на те заметки, которые имеют прямое отношение к нарушениям революционной законности), а при разграничении по второй линии территориальный признак (место совершения указанного в заметке нарушения), с тем, чтобы в то же время сохранить за губпрокуратурой полную возможность учета и контроля соответствующей работы участковых камер; 5) дознания по разоблачениям печати должны быть предметом непрерывного и ударного внимания подлежащих следователей и должны в первую очередь подвергаться детальному просмотру при обследованиях органов милиции; при плановых посещениях лицами прокурорского надзора следственных камер необходимо проверить основательность всех без исключения случаев прекращения дознаний по этим делам; 6) учитывая все еще высокий процент неподтверждения рабских и коровских разоблачительных заметок, представляется крайне желательным путем периодического специального глубокого изучения соответствующих дел выявлять наиболее серьезные и типичные причины неподтверждения заметок, как по линии дефектов расследования, так и по линии дефектов самих заметок, и на основании обобщения этих выводов вносить необходимые коррективы в практическую работу по инструктированию следователей, органов дознания и райселькоров.

Н. Лаговьер.

Страница практика.

Работа губ. бюро по пропаганде права.

В декабре 1926 г. Н. К. Ю. издал циркуляр за № 233 об организации на местах бюро по пропаганде права. Этим циркуляром Народный Комиссариат Юстиции ставил перед судебными органами довольно широкие задачи, которые сводились: к постановке отчетов судебных органов, прокуратуры перед партийными, профессиональными организациями и на собраниях трудящихся вынесение на широкое обсуждение в массах через собрания, печать, избы-читальни проектов тех законов, которые затрагивают бытовые, экономические и

другие интересы масс, широкая пропаганда советских законов, широкое оказание юридической помощи населению. До издания этого циркуляра, конечно, все эти задачи, которые сейчас ставятся перед судебными органами и прокуратурой, проводились. В чем же был недостаток в этой работе? Ответ на это, по моему мнению, дает заключительная часть циркуляра, а именно: не было строгого учета и планового начала в работе, не было единого организующего центра этой работы, которая занимает значительное место в общей судебной работе. Далее я хочу остановиться и привести ряд цифр по Череповецкой губернии за 1926—27 гг. Как же эта работа проводилась на местах и каковы ее результаты. Каковы положительные стороны работ бюро по пропаганде права и чего не достает в этой работе. Работа бюро по пропаганде права выразилась: проведено заседаний 15 по вопросам организационного и руководящего характера, написано в газету статей 6 по вопросу организации пропаганды, проведено выступлений на отдельных заседаниях и собраниях по тому же вопросу 8, взято на учет 203 пропагандиста права и губ. бюро по пропаганде права, составлено и разослано по уездным бюро 5 тезисов для докладов. Такова была работа в губернском бюро. В чем же выразилась практическая деятельность по правовой пропаганде права. Проведено лекций в городе 31, докладов и бесед 1.122, из них в деревне 634. вечеров вопросов и ответов 34, из них в деревне 7, помещено статей по правовым вопросам 98, из которых деревни касалось 40. Дано юридических советов 22.598, из них в деревне 11.900, оказано бесплатной защиты 304, в деревенских судах 102, произведено обследований справочной работы при избах-читальнях и клубах 16 (деревенских 11), организовано юридических кружков 16 (в деревне 15), организовано справочных столов 72, из них в деревне 66.

Выше я отмечал, что взято на учет 203 пропагандиста, но должен сказать, что вся проведенная работа проделана почти исключительно работниками юстиции. Работа же, проведенная пропагандистами других органов и при волостных бюро, таковая уездным бюро не была учтена и говорить о ней не приходится. Из этих цифр приходится сказать, что с количественной стороны проделано довольно большая работа. Какова же качественная сторона. Мне кажется, что работа хорошо будет поставлена в том случае, если губ. бюро уделит большое внимание детальной проработке тезисов по тем докладам, которые преподносят рабочей или крестьянской аудитории, судьи, следователи и другие работники. Далее необходимо как можно шире охватить и втянуть в работу пропагандистов других ведомств, которые хорошо знакомы с вопросами налоговыми, земельными, лесными и др., в разъяснении которых так нуждается деревня.

В № 27 «Е. С. Ю.» за 1927 г. из утвержденных тезисов о работе агитпроббюро при Коллегии Н. К. Ю. видно, что на это бюро возлагается обязанность систематически разрабатывать и снабжать места необходимым для популяризации законов в массах инструктивным материалом для печати, устных выступлений и т. д. Хорошо было бы это положение провести в жизнь, а то еще до сих пор нет должной увязки губ. бюро по пропаганде права с Агитпроббюро при Н. К. Ю. Было бы очень уместным отвести страничку в «Е. С. Ю.», посвященную специально работе по пропаганде права, как в центре Н. К. Ю., так и на местах. Необходимо поделиться опытом этой работы, чтобы с еще большим усилием направить эту работу и тем самым медленными, но верными шагами идти к ликвидации правовой неграмотности широких рабочих и крестьянских масс в деревне.

Председатель Череповецкого окружного
суда К. Соколов.

Леса гибнут.

На тысячи верст протянулись хвойные и лиственные леса нашего огромного Союза. Зеленые шапки гор—наше сокровище. Охрана же этого природного богатства требует много лучшего.

Рубят лес и на дрова, как для своих нужд, а равно и для продажи на сторону, рубят и на постройку жилых и холодных строений. И как рубят. Приедет крестьянин в лес, спилит сосну, отрежет комелек, а верхушка в 5—7 аршин остается гнить. И этот же самый порубщик, приехав через несколько дней в тот же самый лес за дровами, не подберет верхушки, которых раньше нагалил груды, а рубит рядом же сыроступный лес—и растет лесное кладбище. А сколько тысяч жердей ежегодно вырубается местным населением для выгона скота?

Есть и другой способ уничтожения лесов—это бесцельная, озорная, а вернее всего чистой марки хулиганская подрубка деревьев. Происходит это обычно так: возвращается из лесу хотя бы тот же самый порубщик, а иногда и просто проходящий по лесу с топором в руках, в одном месте рубанет березку, а в другом молодую сосенку, и пока идет лесом, сколько он напортит деревьев. А разве мало лесной площади уничтожено пожарами, происходящих частью от поджога, а частью от неосторожности порубщиков, а иногда и самой лесной стражи. Для наглядности читателю хочу привести цифры, рисующие картину уничтожения лесов порубщиками, имеющие в моем распоряжении от Котельничского и Юмского лесничеств за время с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 года.

И это цифры одного из уголков одной губернии. Каковы они во всеобщем масштабе—трудно сказать, одно несомнен-

И над этим обстоятельством недостаточно призадуматься, недостаточно говорить, а необходимо предпринять работникам на местах, а равно и деревенскому активу, о котором я скажу ниже, срочные меры к выявлению и устранению этой ненормальности.

Лесной страже нужно не спать, и больше встречать и провожать солнышко в лесу. Там же, где порубщики особо свирепствуют и можно ожидать ряда насильственных действий над лесной стражей, последней надо охранять свои участки не в одиночку, а по двое, всяких же кривых столкновений, как не ведущих к реальным результатам, избегать.

Вместе с тем, можно сказать, что борьба с лесонарушением одними репрессивными мерами недостаточна. В эту борьбу необходимо втянуть деревенский актив, как-то: сельсоветы, избачей, красноармейцев и т. д. При их участии всегда легче бу-

Число совершенных порубок.	Их кубатура в кубич. саж.	На сумму.		Из числа совершенных порубок раскрыто.	На сумму.		Не раскрыто.	На сумму.		Дела по своему характеру направлены.		
		Руб.	Коп.		Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	В нарсуд. с преданием суду.	В ВИК для администр. взыскания.	Нарисловано по преданию на рассмотрение вышестоящего.
452	5,547	123.830	—	279	113.63	42	173	10.193	53	30	247	173

но, что они колоссальны. Но и приведенные в достаточной степени нам говорят о беспощадном истреблении лесов, что они гибнут, что наша лесная стража спит, что надзор за ней слаб, что необходимо на местах принять срочные меры к беспощадной борьбе с порубщиками и лесной стражей, которая пассивно относится к своим служебным обязанностям.

Хотя лесная стража и не внесена законодателем в 97 ст. УПК, но вне всякого сомнения, лесной аппарат необходимо отнести к органам дознания, за которым народным следователям, в силу 107 ст. УПК, необходимо осуществлять надзор и руководство, о чем мы скажем ниже.

Помимо ст. тов. Порай-Кошеч, не так давно на страницах «Е. С. Ю.» были помещены мнения тов. на эту же тему («Е. С. Ю.» № 36, стр. 1124, за 1927 год—«Лесокрадство и борьба с ним»). В данной ст. тов. Орлов выдвигает довольно интересный и жизненный вопрос—это об усилении репрессий за лесокрадство и ряд других моментов. Указанные мероприятия вне всякого сомнения оживят борьбу с хищением лесов и дадут должный эффект как то отмечает тов. Орлов. Но основной корень зла уничтожения лесов все же так необходимо искать не в законодательстве, а на местах в работе самой лесной стражи и тех органов, которые наблюдают там же на местах за ее работой, а равно и не расширения прав лесного сторожа, а в подборе действительно преданных делу работников лесной стражи. Преданности же этой и работоспособности, за исключением единичных случаев, мы теперь не видим.

Подтверждением этому служат следующие: ни один народный судья из всего нашего огромного Союза не сможет нам заявить, что в его производстве находились или находятся дела о лесонарушениях с крупными суммами, например, 100—200 руб. В производстве всех нарсудов дела о лесонарушениях в подавляющем своем большинстве имеют 10—30 рублей, и лишь изредка падает крупная сумма. И наоборот, если мы взглянем в архив прекращенных дел по делам о лесонарушениях в камеру народного следователя, то там мы увидим обратную картину: прекращаются дела за необнаружением виновных в сумме 30—50—80, 150 и более. Почему же это так.

Почему лесная стража быстро и безболезненно открывает порубщиков мелких порубок, порубщики же крупных из поля зрения и деятельности ускользают (может быть, смело будет сказано—от бездеятельности). Интересно было бы по этому вопросу прочесть ответ самих работников лесной стражи. В самом деле, ведь здравый смысл подсказывает, что легче поймать в лесу того порубщика, который находится в лесу полдня или день, чем того, который приехал, срубил одно, два дерева в течение полчасика и уехал. Лесной же страже, наоборот, как-будто везет на влов, на бедняков, которые совершают порубки от одного до десяти рублей, а вот злые порубщики, уничтожающие лес десятками и сотнями корней, неуловимы. Вот почему я сказал выше, что активности и реальных результатов в работе лесной стражи мы не видим.

лет добиться желательных результатов по охране лесов. С другой стороны, необходимо обратить внимание на качественный подбор лесной стражи и их инструктирование.

Вот в последнем-то моменте след аппарат и должен проявить ту инициативу, которой опять-таки за исключением единичных случаев теперь не наблюдаем. Как я уже сказал выше, лесная стража, хотя законодателем и не внесена в 97 ст. УПК, но безусловно она является органом дознания и потребность в надзоре и руководстве среди лесной стражи слишком велика. Я не имею возможности в данный момент широко охватить работу по надзору и руководству среди лесной стражи и могу лишь ограничиться несколькими пожеланиями.

В каждом лесничестве рабочком почти ежемесячно созывает собрания работников лесной стражи, т.-е. обездчиков, лесников, а равно и технический и административный персонал лесничества. Вот эти собрания следователь должен использовать для бесед, а возможно и чтения лекций на соответствующие темы. При обследовании деятельности лесничества следователь должен выявить: работоспособность и успешность лесной стражи в борьбе с самовольным порубом, для чего ему надо установить: сколько совершенно порубок за обследуемый период времени и на какую сумму, сколько из совершенных порубок раскрыто и на какую сумму, сколько осталось нераскрытыми, с соблюдением месячного срока производства дознаний ст. 105 УПК. понижаются или повышаются лесонарушения, по сравнению с прошлым годом, закономерность обысков, производимых лесной стражей у порубщиков, технику составления как протоколов, так и вообще всего производства дознания, причины, препятствующие полному раскрытию порубок, т. к. в нашей практике отмечается массовое прекращение дел о лесонарушениях в порядке пункта 1, ст. 202 УПК, необходимо также проверить книгу о лесонарушениях Лесного Кодекса, правильность ее ведения и заполнения.

Работа нарследователя по надзору и руководству среди лесничества должна сводиться к увеличению % раскрытости лесопорубок. С этой целью ему следует установить регулярное запятое с работниками лесной охраны в целях дачи им практических указаний в их работе в области производства дознаний. Эту сторону работы след аппарата должна учесть и проверить наша прокуратура. А вообще большую услугу по охране лесов от порубов нам окажет все же так деревенский актив, через который мы должны направить свою работу, использовав для этой цели с'езды, совещания, собрания, стенгазету и т. д.

Эту работу необходимо повести в ударном плановом порядке. Больше инициативы, больше внимания лесному хозяйству на местах, тогда и в этой кампании, как и в прочих, мы выйдем победителями.

Нарследователь 5 уч. Котельничского у.

Вятской губ. И. Немченков.

г. Котельнич.

Права крестьянства по отношению к лесам местного значения.

Ст. 26 Лесного Кодекса возлагает на потребителей древесины, отпускаемой из лесов госфонда, определенные обязанности использовать древесину по прямому назначению без права переуступки лесосек, перепродажи лесных материалов и т. д.

До сего времени остается неразрешенным в законодательстве вопрос, распространяется ли этот порядок на древесину лесов местного значения. Как бы в противовес этому понятию права трудового крестьянства по отношению к лесам местного значения определяются примечанием к ст. 7 Лесного Кодекса. По смыслу этого примечания древесина, выработанная в лесах местного значения, поступает в полное распоряжение лесопользователей.

В практике возникают сомнения: дает ли право выражение—«в полное распоряжение лесопользователей»—последним использовать древесину по их личному усмотрению, в частности, могут ли крестьяне реализовать эту древесину на рынке в целях удовлетворения своих хозяйственных нужд.

На местах существуют две совершенно противоположные точки зрения. Одна из них смотрит на этот вопрос отрицательно и распространенного толкования выражения—«в полное распоряжение лесопользователей»—не допускает по тем основаниям, что примечание к ст. 7 Лес. Код. невозможно рассматривать вне связи с постановлением ВЦИК и СНК по вопросу о лесах местного значения («С. У.» № 87, ст. 642—25 г.), которое, исходя из идеи снабжения населения необходимой для него древесиной, имеет в виду использование ее только на личные и общественные надобности: для строительства, топлива и проч., но не для продажи на рынке.

Сторонники этой точки зрения утверждают, что распространенное толкование примечания к ст. 7 Лесного Кодекса побудило бы сельское население к спекуляциям и к самовольным порубкам, так как право продажи древесины толкнуло бы лиц, не нуждающихся в ней, ежегодно требовать (однако это не значит, что их требования будут удовлетворяться) из годовой лесосеки известную долю древесины, которая и явится объектом торговли.

В защиту своего взгляда сторонники этой точки зрения ссылаются на то, что сама по себе идея выделения лесов местного значения, осуществляемая на практике посредством коллективных выделов лесных площадей на целые селения или группы их, не дает права отдельным не нуждающимся лесопользователям претендовать на древесину.

Конечно, такой довод вполне основателен, но полностью не исчерпывает вопроса. Как быть в тех случаях, когда отдельный лесопользователь, нуждающийся в древесине и получивший ее из коллективной лесосеки, пожелает все же часть древесины, хотя и не лишнюю, продать хотя бы с целью удовлетворения других строительных потребностей, которые в действительности не ограничиваются одной древесиной, а наоборот, очень многочисленны и требуют больших затрат на их приобретение. Так, например, почему бы трудовому крестьянину (очень часто погорельцу) не продать часть древесины, полученной из лесов местного значения для того, чтобы приобрести более огнеупорные строительные материалы (железо, черепицу), которые он желал бы иметь в своих вновь возводимых постройках.

Отсюда и вытекает вторая точка зрения, а именно: что, поскольку хозяйственные нужды и потребности сельского населения далеко не ограничиваются одной лишь древесиной, надо допустить, что частичная реализация ее на рынке неизбежна и необходима. В противном случае другое понимание примечания к ст. 7 Лес. Код. затормозило бы хозяйственный рост и благосостояние строительства в деревне.

Разумеется, что злоупотреблять этим правом лесопользователи не должны. Принцип распределения древесины из ежегодной лесосеки только среди нуждающихся по их потребностям несомненно должен всегда иметься в виду, с тем расчетом, чтобы отдельные случаи продажи древесины не являлись бы стимулом к беспорядочному внеплановому ведению лесного хозяйства и самовольным порубкам.

Законодательство дает полную возможность борьбы против отдельных таких злоупотреблений, в частности, циркуляр НКЗ и НКЮ от 12/ VII с. г. за № 25 («Е. С. Ю.» № 29), подтверждающая необходимость «наиболее целесообразного и правильного использования лесов местного значения в соответствии с лесной политикой Правительства и с требованиями ст. ст. 8 и 9 Лес. Код.», дает право административного изъятия лесоз местного значения в случаях нарушения лесопользователями правил лесного хозяйства.

Пом. прокурора Костромской губ. Мешалин.

г. Кострома.

Значение платежа квартиплаты после состоявшегося решения суда о выселении.

По требованию наймодателя договор найма жилых помещений может быть досрочно расторгнут судом в случаях, указанных в ст. 171 Гражд. Код. (неплатеж и проч.). Расторжение договора влечет за собой обыкновенно выселение неисправного нанимателя.

В практике приходится сталкиваться с рядом случаев, когда после срока выселения, определенного вступившим в законную силу решением, выселение не производится и наймодатель продолжает принимать в обычные сроки квартиплату. Каково же юридическое значение и последствия этих платежей? Не создают ли они новых договорных отношений по поводу того же самого помещения между теми же самыми лицами?

В практике УССР эти вопросы нашли отчетливое решение, и притом положительное, еще 2 года тому назад.

Согласно циркуляру Верховного Суда УССР от 24 августа 1925 года, № 64 (см. «Бюлл. Фин. и Хоз. Законодательства» на 1926 год, № 1, стр. 43) «исполнительный лист в части выселения наймодателем проживающего в его доме либо на квартире квартиранта сохраняет свою силу до первого принятия наймодателем квартирной платы за время после состоявшегося решения о выселении ответчика, с принятием каковой исполнительный лист в части выселения теряет силу».

Аналогичное же положение содержится в инструктивном письме Московского губсуда № 3 от 28/ III 1927 года («Пролетарский Суд» № 7 8—27 г.). Последний, однако, признает договорные отношения возобновившимися при платеже денег «в течение продолжительного времени после вступления решения в законную силу», тогда как по циркуляру Верховного Суда УССР достаточно одного подобного платежа. Циркуляр Верховного Суда никаких исключений при этом не делает.

Инструктивное же письмо Московского губсуда указывает, что в некоторых случаях, несмотря на платеж квартиплаты, договорные отношения не возникают. В качестве примеров приведены: отсрочка выселения, предоставленная судом, отсрочка выселения вследствие болезни.

Как указывает инструктивное письмо домоуправление своими действиями должно свидетельствовать о добровольном желании возобновить договорные отношения.

Правильно не признавать возобновления договора в случае предоставления отсрочки судом или приостановления выселения прокурором. В случае предоставления отсрочки судом дело не в желании или в нежелании возобновить договорные отношения, а в том, что момент расторжения договора отлагается на время отсрочки.

Также в случае вынесения решения о выселении по иску соседей по основаниям невозможности совместного проживания в одной квартире, платеж квартиплаты может создать договорные отношения лишь в случае согласия на дальнейшее проживание лиц, в пользу которых вынесено решение. Однако, требование инструктивного письма Московского губсуда продолжительности платежа и достаточных фактов, свидетельствующих о добровольном желании возобновить договорные отношения, нам представляется, с одной стороны, неверным, с другой—нецелесообразным.

И один платеж может свидетельствовать о добровольном возобновлении договора. Но самое-то установление добровольности желания возобновить договор было бы очень и очень трудно и напрасно усложнило бы вопрос. Даже если домоуправление не берет исполнительного листа в суде и принимает деньги, все же оно может быть совершенно далеко от того, чтобы оставить жильца. Беды особой не будет, если присужденный к выселению, в большинстве случаев трудящийся, останется проживать впредь.

Нет никаких оснований эти последствия платежа после решения о выселении не применять по всем остальным случаям выселения по иску наймодателя. Инструктивное письмо Московского губсуда имеет в виду, однако, лишь один случай выселения, а именно за неплатеж квартиплаты. Очевидно, перед Верховным Судом УССР также стоял вопрос о выселении за неплатеж (циркуляр говорит «исполнительный лист в части выселения»).

Наниматель, присужденный к выселению и уплативший квартиплату, в случае спора может предъявить иск о признании договорных отношений (так. наз. иск о признании) с домоуправлением и о признании исполнительного листа утратившим силу.

Л. Плещов.

Ст. 130 УК и кооперация.

Судработники на местах, сталкиваясь с преступными действиями, предусмотренными ст. 130 УК, не находят в законе исчерпывающего ответа на ряд возникающих вопросов. Закон ясно и подробно указывает, что уголовной ответственности подлежат контрагенты, нарушающие договор с государственными учреждениями. С точки зрения законодателя и комментатора создается вполне точное представление, что поскольку наносится материальный ущерб государству, то интересы такового должны быть ограждены, и вполне понятно, что с юридической точки зрения это верно. Однако, в этой статье не указано, распространяется ли действие этого закона на лиц, нарушивших договоры с кооперативными организациями. Такое положение приводит к тому, что по смыслу закона, злостное нарушение договора с кооперативной организацией рассматривается в гражданском порядке, что стимулирует прогрессию этих нарушений. Фактически, ведь, нарушитель морально не страдает, а материального ущерба он не ощущает, так как из средств, предоставленных ему кооперацией, он извлекает для себя максимум выгоды. Кооперация же, которая юридически рассматривается как общественная организация, несет ущерб, и не ограждена от этого наравне с государственными учреждениями. Возможно ли вообще рассматривать и подходить к кооперации, как к частной организации. Нет. Нужно неходить из того, что кооперация является элементом, политически укрепляющим советское государство, и всякий ущерб, наносимый ей, не должен облекаться в форму гражданского процесса. Поэтому необходимо смысл ст. 130 УК распространить и на злостное нарушение договоров и с кооперативными организациями, что отвечает интересам кооперации, и, следовательно, государства.

Зам. прокурора Ходжентского округа

УзССР Гуниций.

Ст. 62 УК требует пересмотра.

Редакция II ч. 62 ст. УК за укрывательство объектов обложения имеет санкцию меры социальной защиты—штраф не свыше двойного размера платежей. На первый взгляд указанная мера социальной защиты как-будто вполне отвечает содержанию, но когда сталкиваешься с данным вопросом на практике, тогда только суд и становится в тупик, а именно: налагать ли штраф в двойном размере всех причитающихся платежей с того или иного хозяйства, или же в части сокрытого имущества, например: трех или пяти штук овец.

Хотя Пленум Верх. Суда разъяснил Архангельскому губ. суду в «Е. С. Ю.» № 11 от 20 VI—27 г., что штраф, налагаемый по 2 ч. 62 ст. УК, не может превышать двойного размера причитающихся платежей с сокрытых объектов обложения, но вопрос еще в том, все ли суды так выписывают «Е. С. Ю.», а если выписывают, то аккуратно ли просматривают, а редакция основного закона УК осталась та же и заблуждения судов могут продолжаться попрежнему. Допустим, что указанное разъяснение будет известно для всех судработников, то все же приходится остановиться перед вопросом другого свойства, а именно: назначать ли подобного рода дела к слушанию с претением суда или прекращать в порядке примечания к ст. 6 УК. Имея в виду, что, как, например, по Пензенской губ., оштрафован по сельхозналогу в 10 коп., таким образом за сокрытие пяти штук овец каким-либо кулаком суд должен оштрафовать его в двойном размере, т.е. на один рубль, тогда как производство по делу (по составлению протокола, по ведению дознания и вызов в суд, да еще какой-нибудь сутяжник будет кассировать) составит до 1 р. 50 коп.

Ну, если бы даже предположить, что все это бы прошло без затраты государственных средств, то все же этот ничтожный штраф может привести к тому, что население, узнав о такой мере социальной защиты за укрывательство, на будущий год подобного рода дела увеличит в несколько раз, тогда как и без того в судах таких дел хоть отбавляй.

Поэтому я полагаю, что II ч. 62 ст. УК об укрывательстве объектов обложения от сельхозналога в смысле применения меры социальной защиты следовало бы пересмотреть. Было бы гораздо целесообразнее производить конфискацию укрытого от обложения имущества в административном порядке фин. органами. Тем самым и суды освободились бы от массы мелких и бесспорно простых дел.

Нарсудия 1 уч. Наумов.

г. Чембар Пензенской губ.

Сбор сов. законодательства за время с 23 по 30 ноября 1927 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР.

Охрана границ СССР.

1. Изданное в результате длительного прохождения положение об охране государственных границ Союза ССР от 15 июня («С. З.» № 62, ст. 624) впервые формулирует в законодательном порядке ряд норм, имеющих первостепенное значение в деле политической и экономической охраны границ Союза. Охрана осуществляется органами ОГПУ, которые имеют общей задачей обеспечение ненарушимости границ и борьбу с нарушителями их, поддержание революционного порядка в пределах 22-километровой пограничной полосы, защиту пограничного населения от вооруженных нападений, охрану от расхищения водных богатств в пределах морской полосы в 12 миль, а также наблюдение за правильным пользованием водами пограничных рек, озер и искусственных водных путей. Переход через границу допускается лишь через контрольно-пропускные пункты погранохраны или через особо указанные пункты, состоящие в ведении последней. Пропуск же вещей и грузов производится через таможенные учреждения. Нарушителями границы признаются лица, перешедшие или пытающиеся перейти ее в неустановленных для перехода пунктах или хотя бы через последние, но незаконным образом. Нарушители задерживаются погранохраной и привлекаются к уголовной ответственности.

Для достижения наилучшей охраны государственной границы устанавливаются по сухопутной границе полосы 4-метровой, 500-метровой, 7½-километровой и 22-километровой, по морской границе—7½-километровой, 22-километровой и 12-мильная, в отношении которых устанавливается различный режим. 4-метровая полоса находится в исключительном ведении органов погранохраны. Доступ в эту полосу, прилегающую по берегам водных путей, допускается лишь для пользования водами и берегами с соблюдением особых правил. Исправление отдельных построек и возведение новых в черте селений, а также возведение новых построек за чертой селений в сторону государственной границы допускается в 500-метровой полосе лишь с разрешения губернского и соответствующего исполкома по соглашению с органами ОГПУ. Лица, не принадлежащие к числу жителей 7½-километровой полосы, не имеют права въезда в пределы этой полосы без разрешения органа ОГПУ или Наркомвнудела. Такое восприятие въезда без предварительного разрешения может быть установлено органами ОГПУ также в отдельных пунктах в пределах 22-километровой полосы. Лица, не принадлежащие к пограничной охране, могут проезжать по дозорной дороге, проходящей в пределах 500-метровой полосы, по особым правилам, устанавливаемым начальниками погранохраны по соглашению с местными исполкомами. Различные мероприятия по охране границ могут быть приняты и в пределах 7½-километровой полосы (высылка дозоров, выставление засад и т. п.) и на участках, состоящих в пользовании кого бы то ни было; однако, при этом, по возможности, не должен наноситься вред полям и проч. угодьям. Всякое лицо, предвигавшееся в пределах 22-километровой полосы, может быть остановлено погранохраной Лица, не останавливающиеся по ее требованию, задерживаются. В пределах той же полосы лица погранохраны могут подвергать подозреваемых в нарушении границы или в провозе, либо переносе контрабандного товара личному обыску, осматривать вещи и средства передвижения и проверять документы. Они же имеют право производить обыски в жилых и нежилых помещениях, а также выемки контрабандного товара и вещественных доказательств, и, кроме того, задерживать нарушителей границы и контрабандистов на основании особых правил. Те же права предоставляются и за пределами этой полосы при непосредственном преследовании нарушителей границы и контрабандистов.

Употребление оружия погранохраной разрешается для отражения всякого вооруженного нападения и прекращения вооруженного сопротивления, для отражения нападения или сопротивления, совершаемого несколькими лицами или даже одним лицом, но в условиях явной опасности для пограничников, при попытке побега со стороны задержанных и невозможности воспрепятствования побегу другим способом. Точно также разрешается употребление оружия в случае, если после двукратного оклика и предупредительного выстрела лица, подлежащие задержанию в 22-километровой полосе, не останавливаются. При перелете летательных и воздухоплавательных аппаратов через границу в неуказанном месте или с наруше-

нием правил, а также при неисполнении судом требования об оставовке, прекращении погрузки и т. п. действует то же правило.

Принимая приведенный закон, Правительство СССР предложило широко осведомить пограничное население о правилах, относящихся к передвижению населения, а также постепенно освободить 4-метровую пограничную полосу от построек, посадок и древесной растительности для отвода этой полосы под дозорную дорогу.

Советское строительство.

2. Пост. Президиума ЦИК СССР от 23 ноября о перевыборах советов в 1927—28 году («Изв. ЦИК» от 27 ноября, № 272) начала перевыборная кампания. Констатируя ряд достижений и недочетов в перевыборах 1926—27 года, Президиум ЦИК устанавливает, что предстоящие перевыборы требуют повышения активности всех трудящихся, укрепления руководящей роли пролетариата в советах, еще большего закрепления бедняцко-средняцкого союза, большего вовлечения батрачества, полной изоляции кулаков, дальнейшего оживления советов и концентрации внимания трудящихся на задачах обороны страны, ее индустриализации и решительной борьбы за улучшение нашего государственного аппарата. Перевыборы производятся на основании инструкции от 28 сентября 1926 г. («С. З.» № 66, ст.ст. 500—501) с теми уточнениями и разъяснениями, которые были впоследствии внесены. ЦИКам союзных республик предложено провести немедленно ряд подготовительных мероприятий к перевыборам: организацию избирательных комиссий, разработку планов кампаний, составление списков лишенных избирательных прав лиц, без отступлений от инструкции, и налаживание организационно-технической стороны кампаний. Одновременно с отчетностью о деятельности советов должна быть представлена отчетность депутатов непосредственно перед своими избирателями. В избирательную кампанию вовлекаются все общественные организации, профессиональные союзы, ВЛКСМ, общества взаимопомощи, комитеты незаможных селен и др. К работе должны быть привлечены работницы и крестьянки, а к участию в выборах—население национальных меньшинств.

Труд.

3. Пост. ЦИК и СНК СССР от 9 ноября о компенсациях при переводах и при займе на работу в другие местности («Изв. ЦИК» от 24 ноября, № 263). Рабочие и служащие, переводимые по распоряжению нанимателя в иное место работы, если перевод этот связан с необходимостью перемены постоянного места жительства, получают от нанимателя компенсацию в следующих видах. Им выплачивается стоимость проезда как их самих, так и членов семейств по железной дороге, по водным путям, по шоссе и грунтовыми дорогами, стоимость провоза домашнего имущества, необходимого для устройства на новом месте в общей сложности не свыше 240 килограмм на переводимого и 80 килограмм на каждого из членов семьи. Переводимому лицу выдаются суточные за время пребывания в пути и дополнительно за 6 дней в размере $\frac{1}{30}$ фактического месячного заработка, но не менее 2 руб. 50 коп. и не более 10 рублей в день. Кроме того, переводимому выдается единовременное пособие в размере месячного фактического заработка, а в случае переезда членов семьи, также пособие в размере $\frac{1}{4}$ выдаваемого главе семьи пособия на каждого члена семьи. Пособие выдается на членов семьи лишь в случае фактического перемещения их в течение года со дня перевода. Единовременное пособие вообще не выдается, если наниматель принимает на себя все расходы по перемещению переводимого и членов его семьи и по перевозке их имущества, а также обеспечивает для них квартиру. В случае оставления работы до окончания срока без согласия нанимателя, единовременное пособие возвращается. В случае же неприбытия на место работы или отказа приступить к работе возвращаются все выданные нанимателем суммы.

На рабочих и служащих, переводимых в иное место работы по собственной просьбе или нанимаемых вновь на работу в другие местности, действие постановления не распространяется. Также не применяется постановление при переводах в пределах одного и того же населенного пункта или на расстоянии не свыше 25 километров. В последнем случае компенсации не выдаются, а возмещаются лишь действительные расходы по переезду и по перевозке имущества.

Установленные законом нормы могут быть повышены для частных предприятий и хозяйств.

4. Пост. ЦИК и СНК СССР от 9 ноября об изменении ст. 3 пост. о порядке выдачи поощрительного вознаграждения лицам руководящего персонала государственных предприятий и акционерных обществ (паевых товариществ) с преобладающим участием государственного капитала («Изв. ЦИК» от 24 ноября, № 269). Поощрительное вознаграждение может выдаваться в торговых предприятиях в случае уменьшения торговых и накладных расходов, явившихся в результате деятельности лиц руководящего персонала, а также за выполнение предприятием экспортного плана при условии соблюдения установленных для экспорта требований и за усиление экспорта второстепенных товаров.

5. Пост. ЦИК и СНК СССР от 29 октября о порядке установления тарифных поясов и обязательного минимума заработной платы по поясам («С. З.» № 64, ст. 640). Количество поясов, отнесение отдельных местностей к каждому из этих поясов и обязательный минимум зарплаты по каждому поясу устанавливается Наркомтрудом СССР по соглашению с Наркомфином СССР. Два раза в год (1 октября и 1 апреля) производится отнесение отдельных местностей к тарифным поясам. Соответствующее постановление публикуется не позднее, чем за месяц до этих сроков. Перевод местностей из одного тарифного пояса в другой в промежутке между сроками не допускается.

6. Пост. СНК СССР от 1 ноября об изменении ст. 41 временного положения о фондах социального страхования («С. З.» № 64, ст. 642) устанавливает, что суммы фонда медицинской помощи застрахованным, поступившие от транспортных страховых касс, расходуются исключительно на мероприятия по обслуживанию лечебной профилактической помощи застрахованных, работающих на транспорте, и их семей. Планы и сметы расходования этих сумм составляются Наркоматом здравоохранения, рассматриваются Центральной Транспортной Бюджетной Комиссией и представляются на утверждение СНК союзной республики с заключением Центральной Транспортной Страховой Секции (см. «С. З. СССР» 1926 г. № 19, ст. 124 и 1927 г. № 44, ст. 451).

Финансы.

7. Пост. СНК СССР от 29 октября об изменении порядка финансирования учреждений по поверке и надзору за мерами и весами («С. З.» № 62, ст. 626). Расходы по содержанию палат мер и весов и местных поверочных палат отнесены на государственные бюджеты союзных республик. 90% поступлений от сборов за поверку и клеймение мер, весов, измерительных и контрольных приборов обращается в доход союзных республик, остальные 10% в доход Союза ССР. Соответственно изменены положения о мерах и весах от 6 июня 1924 г. и положение о бюджетных правах СССР и союзных республик («С. З.» № 27, ст. 286).

8. Пост. СНК СССР от 27 сентября об изменении ст. 11 пост. о радиостанциях частного пользования («С. З.» № 64, ст. 645). За вычетом в размере не свыше 50% на покрытие расходов Наркомпочтеля по учету и контролю технического состояния и деятельности радиостанций частного пользования поступления абонентной платы передаются в особый фонд, установленный пост. ЦИК и СНК СССР от 26 марта 1926 г. о целевом сборе с радиоприемников («С. З.» 1926 г. № 22, ст. 143).

9. Пост. СНК СССР от 2 ноября утверждено положение об уполномоченном Наркомфина СССР по государственной картонной монополии («С. З.» № 64, ст. 650). Уполномоченный руководит осуществлением общесоюзной монополии и, в частности, учитывает потребности в продукции картонной фабрики, составляет годовые планы ее реализации, заключает договоры и т. п.

10. Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 ноября о сборе за ветеринарный осмотр скота и сырых животных продуктов («Изв. ЦИК» от 23 ноября, № 268) имеет целью снижение накладных расходов по мясозаготовкам и торговле мясом. В виду этого предложено в случае введения, установленного положением о местных финансах сбора за ветеринарный осмотр скота назначать размер сбора не свыше четверти процента нормальной оценки скота и животных продуктов, и во всяком случае не свыше 30 коп. с головы крупного рогатого скота. Должны быть приняты также меры к тому, чтобы сбор взимался один раз в одном месте, преимущественно, в месте отправления скота.

Оборона СССР.

11. Пост. СНК СССР от 15 ноября об изменении пост. СНК СССР от 22 марта 1926 г. об обеспечении лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава, находящихся в долгосрочном отпуску и в запасе РККА, при призыве их на учеб-

ные сборы, подвижные сборы, маневры, полевые поездки и военные игры и о распространении указанного постановления на лиц начальствующего состава, находящихся в резерве РККА («Изв. ЦИК» от 26 ноября, № 271). Призываемым выдаются командировочные за время переезда от места жительства до соответствующего военкомата и от последних к пункту обучения, а равно обратного переезда от военкомата или пункта обучения к месту жительства (см. «С. З.» 1926 г. № 21, ст. 141).

12. Пост. СТО от 29 июля утверждено новое положение о совете по гражданской авиации («С. З.» № 64, ст. 633), издаваемое в отмену пост. СТО от 9 февраля 1923 г. («С. У.» РСФСР 1923 г. № 12, ст. 153). Функции совета весьма обширны: он осуществляет общий надзор за гражданской авиацией, выдает разрешение на открытие новых линий, распределяет импортные контингенты между обществами, рассматривает финансовые и эксплуатационные отчеты обществ воздушных сообщений и т. д.

Хозяйственное законодательство.

13. Пост. СТО от 28 октября о мерах содействия льноводству и коноплеводству содержит ряд директив Наркомату Торговли и ЭКОСО РСФСР по обеспечению льноводческих районов хлебо-фуражом, промышленными товарами, посевными семенами, кредитом и ассигнованиями на различные нужды льноводства и коноплеводства.

14. Пост. СТО от 21 октября утверждено типовое положение о государственном управлении по постройке фабрики, завода, электро-станции и т. п., состоящем на государственном бюджете и находящемся в ведении ВСНХ СССР («С. З.» № 64, ст. 655—656).

15. Пост. СТО от 25 октября об аренде основными заготовителями пищевого сырья, пищевых предприятий, принадлежащих коммунальным отделам местных советов («С. З.» № 63, ст. 633). Сроки аренды должны быть достаточно продолжительными и устанавливаются с учетом размера средств, вкладываемых арендатором в предприятие. Всякая оплата сырья услуг за убой скота полностью или частично воспрещается. В месячный срок пересматриваются существующие арендные договоры.

16. Пост. СНК СССР от 21 сентября о воспрещении предъявления мелких претензий по железнодорожным перевозкам («Изв. ЦИК» от 23 ноября, № 268), устанавливает в законодательном порядке правило, аналогичное установленному циркуляром НКЮ и НК РКК от 17 января 1925 г. № 20 («Е. С. Ю.» № 4). Не могут быть предъявляемы претензии об уплате недоплат и о возврате переборов по перевозкам в сумме менее 2 рублей по отдельной накладной. Воспрещение предъявления такого рода исков распространяется как на железные дороги, так и на госорганы, кооперативные организации и акционерные общества с преобладающим участием государственного капитала. Исключаются случаи систематических недоплат или переборов, возникших в результате одинаковой ошибки при применении тарифов или в расчетах при определении провозной платы, и других платежей по ряду отправок. Изъятие допущено также в отношении перевозок Наркомвоенмор.

Торговля.

17. Пост. СТО от 21 октября продлен срок введения метрической системы измерения в торговле, производимой крестьянами продуктами своего хозяйства или кустарного производства («С. З.» № 63, ст. 637). Срок продлен до 1 июля 1928 года (см. пост. СТО от 17 ноября 1923 г.).

Банки.

18. Пост. СНК СССР от 31 октября утверждено положение о Комитете по делам банков при Наркомфине СССР и совещаниях по делам банков при наркомфинах союзных республик («С. З.» № 64, ст.ст. 647—648). Комитет по делам банков ведает согласованием деятельности кредитных учреждений; в частности, он распределяет клиентов между банками, регламентирует процентные, комиссионные и другие ставки по банковским операциям, проводит мероприятия по уменьшению административно-хозяйственных расходов и по размещению государственных займов. Комитет состоит под председательством Наркома Финансов СССР, из председателей правлений ряда банков, одного представителя коммунальных банков и двух представителей союзных республик. Постановления Комитета могут быть опротестованы в Совет Труда и Обороны. На аналогичных началах построены совещания по делам банков в союзных республиках.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Хозяйственное законодательство.

1. Пост. ЭКОСО РСФСР от 5 ноября об изменении ст. 4 пост. СТО от 2 декабря 1922 г. о порядке открытия печатных предприятий и надзора за ними («Изв. ЦИК» от 24 ноября, № 269). Для передачи печатных предприятий от одного учреждения или лица к другому необходимо разрешение отделов административного и местного хозяйства. Государственные, в ведение которых поступали печатные предприятия на основании декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 10 декабря 1921 г. о предприятиях, перешедших в собственность республики («С. У.» № 79, ст. 684), не имеющие возможности их эксплуатировать, передают их местному совету народного хозяйства.

Труд.

2. Пост. СНК РСФСР от 15 ноября о предоставлении лицам начальствующего состава запаса РККА преимуществ при проведении сокращения штата («Изв. ЦИК» от 26 ноября, № 271). Эти лица при прочих равных условиях оставляются в случае сокращения штатов на службе предпочтительно перед другими категориями рабочих и служащих; служба в рядах Красной армии засчитывается в трудовой стаж.

Финансы.

3. Пост. СНК РСФСР от 15 ноября о производстве расходов по выдаче усиленных выходных пособий работникам учреждений и предприятий, состоящих на местном бюджете («Изв. ЦИК» от 26 ноября, № 271), содержит перечень финансовых источников для покрытия указанных расходов.

Социальное обеспечение.

4. Пост. СНК РСФСР от 15 ноября об обеспечении студентов высших учебных заведений и учащихся техникумов, потерявших трудоспособность в учебно-вспомогательных учреждениях высших учебных заведений и техникумов во время прохождения ими учебных курсов («Изв. ЦИК» от 26 ноября, № 271), предоставляет право на государственное обеспечение по инвалидности также указанной категории трудящихся.

Административная деятельность.

5. Пост. СНК РСФСР от 25 октября о начале делопроизводственного года («Изв. ЦИК» от 24 ноября, № 269). С 1928—29 бюджетного года устанавливаются общие начальные сроки делопроизводственного, хозяйственного и бюджетного года. Те наркоматы РСФСР и местные исполкомы, которые приняли постановление о начале делопроизводственного года с 1 октября, проводят это свое постановление с начала текущего бюджетного года.

Кооперация.

6—8. Пост. СНК РСФСР от 4 ноября об изменении устава областного (краевого) союза потребительских обществ, об изменении устава общества потребителей, управляемого общим собранием его членов, и об изменении устава общества потребителей, управляемого собранием уполномоченных («Изв. ЦИК» от 25 ноября, № 270), изданы в связи с опубликованием положения ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. о порядке прекращения кооперативных организаций при их ликвидации, соединении и разделении («С. З.» 1927 г. № 37, ст. 371). В перечисленные уставы введены новые главы о ликвидации, соединении и разделении общества и союза, согласованные с общесоюзным законом (см. «С. У.» 1925 г. № 15, ст. 96, № 37, ст. 263, № 37, ст. 262).

Просвещение.

9. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 ноября о мерах содействия успешному проведению всесоюзной школьной переписи («Изв. ЦИК» от 23 ноября, № 268). Среди намеченных мер мы находим обязанность госорганов, а также кооперативных и общественных организаций и частных лиц, ведающих учебно-просветительными учреждениями всех типов, представлять в трехдневный срок списки этих учреждений в местные статистические органы. Ответственность за выполнение обязанностей по представлению списков возлагается на руководителей учреждений. Работники, привлекаемые к переписи, освобождаются от выполнения других служебных обязанностей.

10. Пост. СНК РСФСР от 31 октября о предоставлении издательству «Тea-Кино-Печать» преимущественного права распространения литературы в зрелищных предприятиях («Изв. ЦИК» от 23 ноября, № 268).

Жилищное строительство.

11. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 31 октября об изменении примечания 1 к ст. 10 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 23 августа 1926 г. об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках («Изв. ЦИК» от 23 ноября, № 268) устанавливает оплату жилых помещений на льготных основаниях, установленных для рабочих и служащих, также для научных работников, литераторов и художников изобразительных искусств, имеющих месячный заработок или доход не свыше 400 рублей, а также для тех врачей, которые, работая по найму, одновременно занимаются частной практикой, при том условии, что общий доход от работы по найму и от частной практики не превышает 400 рублей в месяц (см. «С. У.» 1926 г. № 56, ст. 433).

12. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 31 октября об изменении ст. 5 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 марта 1927 г. об установлении размеров арендной платы за муниципализированные жилые строения («Изв. ЦИК» от 23 ноября, № 268). Остаток излишков дохода расходуется домоуправлением на улучшение домового хозяйства: восстановительный ремонт, устройство служб, накопление средств для расширения жилой площади и т. п. Частные арендаторы используют излишки доходов по своему усмотрению.

М. Брагинский.

В институтах и обществах.

В Институте Советского Права.

Секция Хозяйственно-Трудового Права ИСП заслушала доклад И. С. Перетерского на тему: «Гражданские кодексы союзных республик за их пятилетнее действие».

Отметив, что со времени утверждения ВЦИК'ом Гражданского Кодекса прошло ровно пять лет, докладчик указал на целесообразность проследить некоторые внешние этапы нашего гражданского законодательства с тем, чтобы сделать отдельные выводы о дальнейшем желательном развитии форм нашего законодательства в области хозяйственного права.

Наш ГК возник в беспримерных условиях. Ему не предшествовали ни теоретические работы, которые могли бы помочь выяснить основные принципы законодательства переходного периода, ни предыдущее законодательство, или судебная практика, которые могли бы быть использованы. Вместе с тем ГК явился почти априорным построением, ибо те отношения, которые он был призван регулировать, только еще зарождались, и, естественно, не были еще достаточно проанализированы.

Гражданский Кодекс за время своего существования подвергался сильной критике; его система имеет ряд существенных недостатков (здесь можно указать, хотя бы на помешание норм об акционерных обществах в договорное право), ряд статей изложен неудачно, встречаются пробелы и даже просто опечатки (напр., в ст. 414 вместо «страховщик» сказано—«страхователь»). Однако, несмотря на все эти недостатки нужно признать, что ГК, в общем, удовлетворяет потребностям советского оборота.

Отличительные свойства советского законодательства—его текучесть, дающая возможность строить закон соответственно требованиям нашего хозяйства.

ГК достаточно ясно отразил эту текучесть за истекшие 5 лет, он подвергся ряду изменений. Новых статей введено 51; одна статья (ст. 417 ГК) отменена. Общее число новых статей и дополнений и изменений старых статей (и примечаний к ним) 145. Некоторые статьи изменялись несколько раз. Больше всего изменялись статьи ГК, касающиеся права застройки, имущественного найма, акционерных обществ и наследственного права.

Однако, общая часть ГК, основные статьи вещных прав, общие части обязательственного и договорного прав изменялись очень мало. Необходимо иметь в виду, что принципиальные, наиболее важные положения ГК остались неизменными. Короче говоря, изменения касались, главным образом, статей, являющихся конкретным выводом из общих положений ГК и имеющих, так сказать, технический характер.

В связи с этим возникает вопрос, правильна ли та система, при которой Кодекс подвергается непрерывным починкам

и требует ежегодно нескольких изданий. К сожалению, у нас обращается недостаточно внимания на законодательную технику; между тем, эта область настоятельно требует рационализации. ГК состоит из качественно разнородных норм; поэтому все техническое второстепенное поддежит выделению с тем, чтобы текст самого Кодекса не нуждался в слишком частых изменениях.

ГК РСФСР был рецензирован во всех союзных республиках. В дальнейшем, в каждой из республик он подвергался двоякого рода изменениям. Прежде всего здесь нужно указать на изменения, произведенные в силу общесоюзного нормирования некоторых институтов, например, госмонополии на платину, гелий, права добросовестного приобретателя ценных бумаг на предъявителя (прим. 2 к ст. 60 ГК), о размере основного капитала золотопромышленных акционерных обществ, об освобождении от нот. засвидетельствования некоторых сделок (п. 7, ст. 137), об отмене ограничений наследования и дарения, об отчуждении госимущества (ст. 22 и 22-а ГК РСФСР). Нужно, однако, иметь в виду, что эти изменения не всегда тождественны во всех республиканских ГК, потому что союзные нормы издаются в некодифицированном виде.

Ко второй группе относятся изменения, вводимые законодательством отдельных республик. Фактическое преобладание принадлежит здесь законодательствам РСФСР и УССР; прочие республики обычно лишь ретенируют некоторые новеллы этих законодательств, но с известными изменениями.

Обращаясь к кодексам союзных республик, докладчик подробно освещает их отличия друг от друга.

ГК УССР вначале подвергся ряду изменений. Однако, существенные отличия от Кодекса РСФСР имеются лишь в области жилищного права, в договоре комиссии, в вопросе о приостановлении исковой давности по искам к государству за причиненный вред; и, наконец, в области наследственного права,—в вопросе о переходе к государству доли лишенного наследства. Однако, в общем, нужно признать, что основы хозяйственного права для обеих республик остаются едиными. Характерно, что большая часть различий между ГК РСФСР и ГК УССР обуславливается новым законодательством РСФСР. Таким образом, оказывается, что ГК УССР сейчас ближе к первоначальной редакции ГК РСФСР, чем наш теперешний Кодекс.

ГК БССР отличается от ГК РСФСР количеством статей—в нем 476 статей вместо 435, что объясняется включением новелл, как самостоятельных статей, и соответственным изменением нумерации следующих статей. Против такой системы, по мнению докладчика, нужно решительно возражать.

Большая часть изменений ГК БССР повторяет новеллы общесоюзные в РСФСР. Есть и более или менее самостоятельные изменения, из которых, по мнению докладчика, наиболее существенны: 1) ст. 12—безвестно-отсутствующий признается не умершим, а пропавшим; 2) отсутствует примечание к ст. 463 (422 ГК РСФСР), т.-е. отсутствует правило о лишении наследства и о переходе доли лишенного к государству. Второе изменение не может, по мнению докладчика, быть признано правильным.

ГК ССР Грузии не представляет самостоятельного интереса. Но в Грузинском кодексе имеются три специальных отличия: 1) в случае неграмотности при гласном оглашении опека—целесообразность этого правила сомнительна; 2) еще в 1924 году из кодекса исключена ст. 137, что тоже нельзя признать правильным; 3) в случае лишения наследства одного из наследников его доля распределяется между остальными наследниками.

ГК Азербайджанской ССР не имеет каких-либо отличий по существу от ГК РСФСР. Он, однако, содержит 505 статей, ибо в печатное издание 1927 г. были включены купля-продажа с рассрочкой платежа, комиссия и авторское право; вся нумерация в этом была изменена. Интересно, что при издании Азербайджанского ГК 1926 г. в конце были помещены (с продолжением общей нумерации) брачное право и опекуновское право. Эти статьи из издания 1927 г. исключены. Против такого свободного обращения с текстом ГК и нумерацией статей, изменяемой чуть ли не в типографском порядке, нужно решительно возражать.

Наличие в СССР различных систем гражданского законодательства представляет существенные неудобства, в особенности при наличии планового хозяйства и ряда хозяйственных областей, регулируемых общесоюзным порядком. Поэтому различия гражданских законодательств могут иметь место лишь в случаях, оправдываемых действительной необходимостью. Но эта необходимость не всегда видна в новеллах республиканских законодательств. Принципиальные различия обнаружались лишь в области наследственного права. Значительное же большинство различий сводится к внешней редакции и к второстепенным подробностям. В связи с этим необходима

внутренняя увязка законоподготовительных мер различных республик.

Существующее и теперь единство, в основном, гражданского права Союза обуславливается единством существа рыночных отношений. Дальнейшее развитие советского социалистического хозяйства не может привести к усилению в будущем «местных и бытовых особенностей». Отсюда вытекает необходимость, чтобы «основы гражданского законодательства» закрепили принципиальные позиции нашего гражданского законодательства.

В различных республиках возникла различная судебная практика на почве толкования одних и тех же статей Кодекса. Между тем, целью основ является не общесоюзный текст нормы, а общесоюзное право.

После доклада состоялся обмен мнениями.

С. И. Раевич указывает на то, что докладчик не упомянул некоторых институтов, нормируемых в общесоюзном порядке.

Кроме того, при оценке принципиального значения отмены максимума наследования нужно, по мнению оппонента, иметь в виду, что уже при принятии ГК это ограничение наследования изжило себя; мысль об отмене этого ограничения возникла уже тогда—она не была сразу проведена в жизнь лишь потому, что со времени издания положения об основных имущественных правах от 22 мая 1922 г. прошло слишком мало времени и расширение нп'а было тогда политически нецелесообразно.

Из основных положений докладчика будто вытекает тот вывод, что и гражданский закон и практика его применения во всем Союзе должны быть едины, т.-е., иначе говоря, речь должна идти о единой кассационной инстанции. Как известно, одно время вопрос так и ставился; однако, такая централизация была правильно признана нецелесообразной с политической точки зрения.

Нужно иметь в виду, что, с известной точки зрения, можно найти основания для унификации не только гражданского законодательства, но и ряда других областей, напр., здравоохранение, земля и сельское хозяйство и т. д.

Эти централизаторские тенденции, противоречащие нашей национальной политике, были признаны Партс'ездом, предшествовавшим принятию Кодекса, политически вредными. Также политически недопустимым было признано создание всесоюзного органа юстиции и издание единого союзного Гражданского Кодекса.

По мнению оппонента, докладчик переоценил технические, не имеющие особого политического значения, соображения и не дооценил тот факт, что союзные республики являются суверенными государствами.

Тот материал, который привел докладчик, недостаточно обосновывает его выводы. Ведь, самый значительный случай расхождения гражданских кодексов союзных республик—различные постановления о судьбе некоторой части наследственной массы. Поскольку речь идет не о торговых институтах, надо думать, эти расхождения не являются серьезным препятствием для нашего планового хозяйства.

Когда здесь указывают на подготовляющийся в УССР проект хозяйственного кодекса, то нужно не забывать, что правительства союзных республик ясно отдают себе отчет в необходимости сохранения единых принципов советского законодательства.

Е. Н. Данилова указывает на то, что ГК РСФСР был рецептирован союзными республиками просто потому, что РСФСР—старшая советская республика.

Однако, уже после рецепции были изменения и иногда существенные.

Так, на Украине имеется 4—5 самостоятельных статей в акционерном законодательстве. Нужно также не забывать, что некоторые акты на Украине были изданы значительно раньше, чем в РСФСР, напр., закон о фирме, закон о торговом реестре и т. д.

Таким образом, от мысли, что гражданское законодательство в основном рецептируется у РСФСР, нужно теперь отказаться. Ведь, инициатором закона о комиссии явилась Украина. В РСФСР закон о комиссии был издан позднее, чем в Узбекистане. Указания докладчика на ряд серьезных дефектов техники законодательства интересны и правильны. Но если под кодифицированными союзными нормами иметь в виду текст закона, диктуемый союзным республикам, то в ряде случаев будет нарушена Конституция Союза.

Суверенность союзных республик предполагает самостоятельное их правотворчество, поскольку оно не противоречит конституции. Именно поэтому теперь, с развитием союзных республик, они стали проявлять больше инициативы; и на первом месте здесь стоит Украина. Эта инициатива особенно

необходима потому, что союзный аппарат иногда довольно громоздок; кроме того, обычно, при выработке союзными органами законов, они лишь посылаются на отзыв союзным республикам. Поэтому, следовало бы еще усилить участие представителей союзных республик в выработке общесоюзных законов.

Как указал докладчик, Гражданский Кодекс вначале был реально единым во всех союзных республиках. И тем не менее, впоследствии установилась различная практика толкования его. Очевидно, единственный способ унификации толкования—установление единой союзной кассационной инстанции. Но это и политически неприемлемо и технически громоздко.

Что касается необходимости улучшения нашей законодательной техники, то здесь докладчик прав.

И. В. Марков, отметив чрезвычайную своевременность постановки того вопроса, который служит темой доклада, указал на то, что докладчик удачно осветил существующее состояние гражданского законодательства союзных республик.

Однако, по мнению оппонента, процессы изменения нашего законодательства недостаточно объяснены докладчиком, который главное свое внимание обратил на вопросы законодательной техники.

Очевидно, причины расхождения законодательств союзных республик глубже, чем это думает докладчик, и лежат в сфере их хозяйственных особенностей.

Тезис докладчика о едином праве, а не единой норме, недостаточно ясен. Оппонент усматривает в нем некоторое противоречие между нормой и правом.

Кроме того, оппонент не соглашается с указанием докладчика на то, что Гр. Код. являлся в значительной степени априорным построением.

А. В. Карасс полагает, что докладчик привел только некоторые причины, вызывающие текучесть нашего законодательства.

Текучесть и эластичность нашего законодательства—большое его преимущество. Однако, некоторые излишества в этом направлении объясняются, по мнению оппонента, не реальными хозяйственными потребностями, а некоторыми техническими недостатками нашего аппарата. Союзное законодательство пошло сейчас по пути ограничения этой текучести в тех случаях, когда это не является действительно необходимым, сейчас прорабатываются проекты соответствующих постановлений по этому вопросу.

В. С. Тадевосян полагает, что основные положения докладчика правильны. Нельзя забывать, что очень важные соображения о суверенитете союзных республик не должны, однако, отодвигать на второй план проблему организации планового хозяйства.

Вовсе не нужно отрицать суверенитет союзных республик для того, чтобы настаивать на необходимости известного единства нашего хозяйственного законодательства.

Как правильно показал докладчик, таких особенностей закона, которые вызывались бы реальным своеобразием местных условий, в гражданских кодексах союзных республик немного. Все это показывает, что нужно дать основные нормы в общесоюзном порядке (в основах гражд. законодательства), усилив участие представителей республик в проработке союзных законов.

В. Н. Шретер указывает на то, что тезисы докладчика, если их взять безоговорочно, противоречат конституции. С другой стороны, если принять данную докладчиком картину, то положение нужно признать ненормальным.

Однако, нужно точно установить, что иметь в виду под гражданским кодексом. Идет ли речь о гражданском обороте в узком смысле слова, или нужно принимать во внимание и торговый и промышленный оборот.

Если говорить о гражданском обороте в узком смысле слова, т.-е., по существу, о частном обороте, то тезисы докладчика убедительны, ибо в этом случае расхождение законодательства союзных республик, хотя бы в вопросах наследственного права, серьезных затруднений для планового хозяйства не представляет; тогда вопрос об этих расхождениях почти что сводится к вопросу «о юридической каллиграфии» или о юридическом благополучии.

Если речь идет о другом—о широкой базе товарного хозяйства Союза, то, очевидно, нужно говорить о партикуляризме всего нашего торгового и промышленного законодательства. Но здесь вопрос обстоит уже не так плохо. Основная масса нашего торгового законодательства идет, главным образом, в союзном порядке. Случайные исключения здесь—комиссия, залог товаров в обороте Правда, есть еще ряд проблемных вопросов, которые потребуют уточнения. Но в массе все основные законы, регулирующие нашу торгово-промышленную жизнь, едины для всего союза (закон об акц. об-вах, торго-

вый реестр). Вся масса плановых мероприятий идет по союзной линии, через СТО.

Могло бы беспокоить в этом отношении только обязательственное право. Но здесь пока все благополучно. Нужно, конечно, отдавать себе отчет в том, что всякое «оригинальничество» в этой области недопустимо.

Тенденция развития нашего законодательства соответствует требованиям нашего хозяйства. Потребуется лишь более отчетливое размежевание союзной и республиканской компетенции.

И. Я. Цейликман указывает на то, что докладчик, в поисках критерия для разграничения союзного и республиканского законодательства, обратился, главным образом, к соображениям техники бытовых особенностей, недостаточно учета политические соображения.

Критерий, который ищет докладчик, дается статьей 1 Конституции Союза; и не только п.п. этой статьи, но и другими пунктами. Ведь, у нас существует союзное морское и аварийное законодательство; это не основы, а действующие нормы, и изданы они на основании п. «и» ст. 1 Конституции. Так же обстоит дело и с рядом других вопросов. Хотя редакция ст. 1 Конституции, быть может, и нуждается в некоторых улучшениях, однако, эта статья дает союзным органам достаточные полномочия для установления единых законов там, где этого требует плановое хозяйство. Указываемое же докладчиком различие гражд. кодексов не является серьезной помехой плановому хозяйству.

Д. С. Розенблюм также высказывает мысль о том, что докладчик переоценил технические соображения и недооценил серьезные и веские соображения национальной политики.

Единообразие союзного законодательства может быть достигнуто двумя путями—единый закон или совещания и единые соглашения союзных республик, которые все время растут и развиваются.

Централизованное хозяйство часто теперь требует централизованного закона лишь потому, что СССР находится во враждебном окружении. Очевидно, с изменением этого положения будет усиливаться тенденция к установлению единообразия законодательства именно путем совещаний.

И. С. Войтинский также полагает, что докладчик несколько перегнул палку в сторону централизации, и не всегда дифференцировал имеющие различное значение для хозяйства институты гражданского права. Однако, докладчик, во всяком случае, обосновал ту мысль, что, учитывая реальное единство нашего гражданского права, можно создать достаточно подробные основы гражданского законодательства Союза.

И. Г. Кобленц указывает на то, что ряд изменений ГК был вызван ведомственными соображениями. Ряд недостатков техники объясняется тем, что ГК покрывался необходимыми наслоениями.

Докладчик И. С. Перетерский в кратком (из-за позднего времени) заключительном слове подчеркнул, что, вопреки утверждению некоторых оппонентов, доклад не имел в виду проблему разграничения союзного и республиканского законодательства. Речь шла о фактическом состоянии гражданских кодексов союзных республик. И тот вывод, что кодекс в основе остался единым, в прениях опровергнут не был, так же как и тезис о неудачной системе изложения ГК.

Далее, в докладе отнюдь не шла речь о едином кодексе для Союза. Основы гражданского законодательства мыслились, как собрание принципиальных норм.

Говорят, что различие кодексов не препятствует планированию хозяйства. Однако, напр., исключение ст. 137 (Грузинский Кодекс), дающей известные гарантии гособороту, является нежелательным и с этой точки зрения.

Наше хозяйственное право в основном едино. Целый ряд различий проистекает из метода изложения и практические последствия этих различий не всегда благоприятны.

Во всяком случае, все оппоненты признавали в этой области некоторые ненормальности технического порядка. Их и нужно лечить и изживать.

Б. Р.

Хроника.

Обязательное применение метрической системы мер в актах и сделках.

Межведомственная метрическая комиссия при ЭКОС РСФСР постановила (обяз. пост. № 38 от 9/XI—27 г.—«Экон. Жизнь» № 277) обязать с 1 января 1928 года все государственные, кооперативные, общественные и частные организа-

ции, учреждения и предприятия при составлении, заключении и исполнении сделок в письменной форме и в изложении актов применять метрическую систему мер в обозначениях результатов измерений, в расценках, нормах и проч. и вообще во всех случаях употребления мер в документах.

Обязать с 1 января 1928 года государственные нотариальные конторы, товарные биржи, отделы коммунального (местного) хозяйства городских советов и краевых, областных, губернских, окружных и уездных исполнительных комитетов, районные и волостные исполнительные комитеты, сельсоветы и др. органы, коим по закону принадлежит право удостоверить и регистрировать акты и сделки, принимать к удостоверению и регистрации только те из вышеупомянутых документов, в которых соответствующие изменения, если им упоминается вообще необходимо по содержанию документа, выражены в метрической системе мер.

Исполнение сделок, заключенных в письменной форме до 1 января 1928 года, ведется в тех мерах, которые в них упоминаются, если до конца их действия осталось не более одного года.

Если же срок действия сделки после 1 января 1928 года превышает один год, элементы договора, содержащие измерения, пересчитываются на метрические меры по официальным переводным таблицам, при чем для подготовки исполнения, сделки уже в новых метрах обязанной стороне должен быть предоставлен 3-месячный льготный срок.

НКЮ РСФСР совместно с НКВД РСФСР, а также НКТоргом РСФСР, поручено издать соответствующие инструкции, первым двум—по линии государственного нотариата, районных и волостных исполнительных комитетов и сельсоветов в отношении выполнения нотариальных функций, а также по линии отделов коммунального (местного) хозяйства, а третьему—по линии отделов внутренней торговли и товарных бирж.

Новый порядок применения сверхурочных работ.

НКТ СССР окончательно согласовал с ВЦСПС проект постановления, предусматривающего новый упрощенный порядок применения сверхурочных работ в учреждениях, правлениях, трестах, синдикатах и государственных акционерных обществах, госпредприятиях, кооперативных и общественных организациях.

Сверхурочные работы могут производиться в случаях обслуживания с'ездов, конференций, совещаний и пленумов, в которых принимают участие представители республик или местных органов данного учреждения или организации, а также для обслуживания экстренных заседаний, созываемых по распоряжению руководителя учреждения или организации. Сверхурочные работы допускаются также для своевременного выполнения в установленные краткие сроки особо важных заданий или секретных работ, к которым могут быть допущены работники, пользующиеся особым доверием.

Сверхурочные работы могут производиться лишь при том условии, если данная работа по своим размерам не может быть выполнена в нормальное рабочее время постоянным штатом работников или если она не может быть выполнена путем привлечения временных работников из числа безработных вследствие особой срочности ее, а также в случаях, отсутствия среди безработных работников, удовлетворяющих требованиям необходимой квалификации или особого доверия.

В районах ниже губернского или окружного масштаба сверхурочные работы допускаются лишь с разрешения расценочно-конфликтных комиссий и инспекции труда. Без такого разрешения сверхурочные работы могут допускаться в крупных центрах (начиная с губернских и окружных) по распоряжению ответственных лиц учреждений и предприятий.

К сверхурочным работам допускаются лишь работники определенной квалификации, перечисленные в специальных списках НКТ СССР и ВЦСПС. Совершенно не допускаются к сверхурочным работам подростки до 18 лет, беременные женщины и кормящие грудью.

Переход на дневную и почасовую оплату.

По большинству ныне перезаключаемых колдоговоров устанавливается дневная и почасовая оплата труда.

До этого года зарплата в коллективных договорах, как правило, устанавливалась в месячных ставках. Дневные ставки исчислялись, исходя из месячных, на условиях, ранее оговоренных. Месячными ставками оплачивались только служащие. Рабочие на практике оплачивались при повременной работе—за каждый проработанный день; при сдельщине расценки устанавливались путем деления дневных или почасовых ставок на соответствующую норму выработки. Совер-

явно очевидно, что для расчета с рабочими нет надобности в месячных ставках; нужны лишь дневные и почасовые ставки.

В нынешнюю кампанию перезаключения колдоговоров месячные ставки будут оставлены только для служащих. Для рабочих, в целях упрощения расчетов по зарплате, будут введены лишь дневные ставки, а в некоторых предприятиях — и почасовые. Как правило, переход от месячных к дневным и почасовым ставкам не повлечет за собой никаких изменений в размерах зарплаты. Это — основное условие, которым необходимо руководствоваться при решении вопроса о том, на сколько нужно делить месячные ставки для введения дневных и почасовых ставок; месячные ставки следует делить на то число дней, какое было принято для исчисления дневных ставок по ныне действующему договору.

Рабочий день служащих.

В соответствии с п. «б» ст. 95 Кодекса законов о труде НКТ СССР постановил (пост. № 368 от 19/XI—27 г. — «Труд» № 269), что продолжительность рабочего дня не должна превышать 6 часов для следующих категорий служащих:

Служащие учреждений.

Служащие правлений, управлений и контор трестов, синдикатов, государственных торговых предприятий (торгов), акционерных обществ и т. п., кооперативных союзов всех степеней и многолазочных кооперативных товариществ (обществ), а также служащие отделений указанных правлений, управлений и контор, за исключением указанных ниже.

Служащие контор лесопромышленных предприятий при условии, если эти конторы руководят работой двух или более самостоятельных лесозаготовительных контор (участков и др.).

Инженеры-конструкторы, инженеры по расчету машин и главные конструкторы при условии, если перечисленные работники исключительно заняты конструкторской работой и самостоятельно разрабатывают проекты конструкций машин, сооружений и т. п.

Работники журнальных и книжных издательств, за исключением указанных ниже; работники предприятий печати, не выпускающих изданий для рыночного сбыта (ТАСС, Роста, Ратау, Бюро Печати и т. п.); корректора, работающие в учреждениях.

Служащие (технический персонал) профессиональных союзов, за исключением указанных ниже.

Продолжительность рабочего дня не должна превышать восьми часов для следующих категорий служащих:

Служащие, работающие непосредственно в цехах предприятий.

Служащие контор производственных предприятий (главных контор, фабрик, заводов и т. п., контор рудоуправлений, цеховых и шахтных контор и т. п.).

Служащие лесозаготовительных контор, за исключением указанных выше.

Инженеры-конструкторы, инженеры по расчету машин и главные конструкторы при условии, если перечисленные работники выполняют кроме конструкторской работы также и другие функции (административные или иные), связанные с работой лиц, занятых 8 часов, в день.

Служащие складов, магазинов, лабазов и т. п.

Служащие отделений, правлений, управлений и контор трестов, синдикатов, государственных торговых предприятий (торгов), акционерных обществ и т. п., кооперативных союзов всех степеней и многолазочных кооперативных товариществ (обществ), если перечисленные отделения имеют в своем ведении один магазин или склад и в основной своей работе обслуживают этот магазин или склад.

Все служащие однолазочных кооперативных товариществ (обществ), независимо от того, работают ли они непосредственно, в лавке или на складе или в конторе товарищества (общества).

Работники газетных издательств (работники, обслуживающие газеты, или обслуживающие журналы, выпускаемые газетными издательствами); работники книжных издательств, труд которых связан с работой типографий (корректоры, выпускающие, фальцовщики) или складочных помещений (упаковщики, багажники, конторский персонал, связанный со складом и т. п.); работники самостоятельных органов по распространению печати, занятые экспедированием изданий.

Служащие (технический персонал), работающие в организациях профессиональных союзов на предприятиях.

Постановление вводится в действие с 1 января 1928 года.

Все споры, не разрешенные до введения в действие изложенного постановления, разрешаются на основаниях, указанных в нем. При этом не должны выдаваться никакие денежные компенсации служащим, работавшим 8 часов в день (вместо 6 часов, предусмотренных постановлением), и не должны производиться удержания из заработной платы служащих, работавших 6 часов в день (вместо 8 часов, предусмотренных постановлением).

Революционные праздники и особые дни отдыха в 1928 г.

По постановлению отдела труда Моссовета и МГСПС в 1928 г. («Труд» № 281) воспрещается производство работ в праздничные дни:

1 января — новый год.

22 января — день, посвященный памяти В. И. Ленина и 9 января 1905 г..

12 марта — день низвержения самодержавия;

18 марта — день Парижской Коммуны.

1 мая — день Интернационала.

7—8 ноября — XI годовщина Пролетарской революции.

8 марта — Международный день работниц — рабочий день для работниц сокращается на 2 часа, за исключением работниц, работающих в общественно-необходимых предприятиях.

Воспрещается производство работ в следующие особые дни отдыха: 14 апреля, 16 апреля, 24 мая, 4 июня, 6 августа, 25 и 26 декабря.

Невыход на работу в дни неустановленных настоящим постановлением праздников приравнивается к прогулам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Накануне праздников, рабочий день не должен превышать 6 часов, накануне же особых дней отдыха, рабочий день должен быть нормальным.

Работа в праздничные дни и особые дни отдыха должна производиться в следующих предприятиях: водопровод, электростанции, больницы, дежурные аптеки, телефон, телеграф, а также в тех, которые не могут быть приостановлены по условиям производства работ.

В тех предприятиях и учреждениях, где будет производиться работа в праздничные и особые дни отдыха, оплата за такую работу производится в двойном размере, или же, по согласованию вопроса в МРКК, предоставляется взамен этого выходной день в ближайшую неделю после праздничного или особого дня отдыха.

Вычетов за праздники и особые дни отдыха с рабочих и служащих, получающих месячную оплату, не производится. Рабочие и служащие, работающие сдельно или поденно, если в сдельных расценках или поденной оплате учтены 2 праздничных часа, дополнительной платы за таковые не получают.

Усиленное пособие при сокращениях.

Постановление НКТ СССР о выходном пособии увольняемых вследствие рационализации предусматривает выдачу усиленного выходного пособия только в том случае, если на предприятии увольняются вследствие рационализации не менее 10 чел. Этот пункт вызывает возражения местных проф-организаций, так как на многих предприятиях с небольшим количеством рабочих также производится рационализация и возможны сокращения рабочих и служащих. А в виду того, что на подобных предприятиях количество увольняемых будет меньше 10 человек, рабочие и служащие, по постановлению НКТ, не имеют права на усиленное выходное пособие.

ВЦСПС также признал неправильным такое ограничение и вошел в законодательные органы с предложением отменить его. ВЦСПС предлагает выдавать усиленное выходное пособие всем рабочим и служащим, увольняемым вследствие рационализации, независимо от числа сокращаемых на данном предприятии.

Регулирование труда на лесных работах.

ВСНХ СССР, ВСНХ РСФСР и ЦК союза сельхозработ-чих совместно предложили хозорганам своевременно принять необходимые меры для обеспечения нормального регулирования условий труда на лесозаготовительных и сплавных работах в 1927—28 г. В течение ближайших недель должно быть закончено заключение колдоговоров отдельно для се-

зонных и постоянных рабочих. Поденные ставки в колдоговорах должны устанавливаться, исходя из уровня прошлого года. Изменения в ту или иную сторону допускаются лишь в тех районах, где в прошлом году поденные ставки резко отклонялись от уровня оплаты в соседних районах.

Нормы выработки и сдельные расценки подлежат пересмотру с учетом технических и организационных улучшений. Правовые условия сохраняются на уровне прошлого года. При вербовке рабочих преимущество отдается членам профсоюзов и батракам (при прочих равных условиях).

Для усиления участия батраков в лесных работах им должны быть предоставлены простейшие инструменты в порядке аванса в счет зарплат.

Хозорганы должны обратить особое внимание на рационализацию работ и усиление технического руководства и удешевления продукции и улучшения ее качества.

Обеспечение студентов, потерявших трудоспособность.

Существующие положения о государственном обеспечении лиц, потерявших трудоспособность, до сих пор не распространялись на студентов, высших учебных заведений и техникумов, которые, не состоя на службе по найму, а лишь проходя обязательные по учебному плану практические занятия в лабораториях, мастерских, учхозах и т. д., могут в отдельных случаях потерять трудоспособность.

В настоящее время СНК РСФСР установил, что правом на государственное обеспечение по инвалидности пользуются на общих основаниях студенты вузов и учащиеся техникумов, получившие увечье или потерявшие трудоспособность в учебно-вспомогательных учреждениях вузов и техникумов во время прохождения ими учебных курсов.

Наркомсвязи совместно с НКПСом и НКТ поручено выработать инструкцию, регулиующую порядок и условия государственного обеспечения указанных лиц.

Максимум и минимум пенсий.

Союзный совет социального страхования установил новый твердый максимум и минимум пенсий по инвалидности.

Максимум пенсий для инвалидов первой группы, работающих в местностях, отнесенных к I, II и III поясам, установлен в размере 150 руб. и для IV, V и VI поясов—120 руб.

Минимум пенсий для инвалидов I группы установлен в размере двойной ставки минимальной зарплаты для данной местности; для инвалидов II группы—полукратной минимальной ставки и для инвалидов III группы—одной минимальной ставки.

Однако, пенсии инвалидов всех трех групп не должны превышать уровня зарплат их до наступления инвалидности, если у инвалида более одного члена семьи, и $\frac{2}{3}$ полного заработка—при наличии одного члена семьи.

Пособие по беременности.

Союзный совет социального страхования постановил отменить с 1 января 1928 г. требование 6-месячного стажа работы по найму при назначении пособия по временной нетрудоспособности вследствие беременности и родов. Кроме того, с 1 января 1928 года отменяется требование стажа работы по найму при выдаче пособий на детское «приданое» и кормление.

Новый порядок выдачи пособий по безработице.

В ВЦСПС состоялось совещание представителей ЦК союзов по вопросу об обеспечении безработных органами социального страхования. Совещание наметило ряд предложений, которые от имени ВЦСПС будут внесены на рассмотрение Союзного совета социального страхования.

Для безработных первой категории (квалифицированные рабочие и служащие-специалисты) предложено установить право на получение пособий вне зависимости от продолжительности трудового стажа. В таком же порядке могут получать пособия и безработные, отнесенные ко второй категории: полуквалифицированные рабочие—члены профсоюзов, служащие, получившие специальное среднее образование или специальную подготовку (работники просвещения, средний медицинский персонал, работники связи и т. п.), если они работали по найму и состояли членами профсоюзов.

Отнесенные к третьей категории (неквалифицированные рабочие и все остальные служащие члены союзов) имеют право на пособие при наличии шестимесячного стажа работы в течение 2 лет до наступления безработицы.

Несостоящие членами союзов безработные второй и третьей категории и служащие-техники получают право на пособие при наличии 18-месячного стажа работы в течение трех лет до наступления безработицы.

Далее совещание зносит предложение о продлении срока выдачи пособия безработным всех категорий до 9 месяцев (вместо 6).

По проекту, принятому совещанием, новый порядок выдачи пособий должен быть введен с декабря.

Выплата нанимателями рабочим и служащим пособий по временной нетрудоспособности.

Союзный совет социального страхования при НКТ СССР постановил (пост. № 328 от 6.X—27 г.—«Труд» № 272) возложение на нанимателей обязанности по выплате пособий по временной нетрудоспособности и дополнительным видам обеспечения допускать только в виде исключения при условии, если по техническим причинам (небольшое количество рабочих и служащих, разбросанность их по большому пространству при отсутствии удобных способов сообщения и т. п.) организация в данной местности органа социального страхования (страховой кассы, страхового пункта и т. д.) невозможна или связана с чрезмерно высокими организационными расходами.

В тех случаях, когда на нанимателя возлагается обязанность по выплате своим рабочим и служащим пособий по временной нетрудоспособности и дополнительным видам обеспечения, страховые кассы оставляют в распоряжении нанимателя 50% суммы взносов на социальное страхование, подлежащей засчислению в фонды, состоящие в распоряжении органов социального страхования.

Наниматели, частично освобожденные от уплаты взносов на социальное страхование, обязаны выплачивать своим рабочим и служащим пособия по временной нетрудоспособности и дополнительным видам обеспечения с соблюдением сроков и размеров, установленных действующим законодательством о социальном страховании.

Такса оплаты действий лиц, производящих взыскание недоимок по взносам на соц. страхование.

Согласно пост. Всероссийского Сов. Соц. Страх. от 26/V 1927 г. («Изв. НКТ» № 30), за доставление повесток взыскателям, должникам, присужденным к штрафам и третьим лицам при обращении взыскания на имущество должника, у них находящегося, или на суммы, им причитающиеся, взыскивается на каждую повестку:

При сумме взыскания или цене отыскиваемого имущества не свыше 50 р. зол.— $\frac{1}{10}$ % с суммы взыскания, но не менее 10 к. с повестки; от 50 р. до 500 руб. зол.— $\frac{1}{2}$ %, свыше 500 р. зол.— $\frac{1}{5}$ %.

Когда стоимость взыскиваемого имущества не определена—75 копеек.

Когда взыскиваются по временным платежам, цена определяется по совокупности платежей за один год.

За повестку с обозначением дня и часа, когда будет производиться арест имущества, плата не взыскивается.

За производство описи и оценки имущества должника взыскивается: при цене имущества не свыше 50 р. зол.—50 коп., от 50 р. до 500 р. зол.— $\frac{1}{2}$ %, свыше 500 руб. зол.—2%.

За производство описи имущества без оценки взыскивается: при числе предметов до 50—по 4 коп. зол. с предмета, но не менее 25 коп.; от 50 до 100—по 6 коп. зол. с предмета, свыше 100—по 8 коп. зол. с предмета.

Предметы совершенно однородные вносятся в опись под одним номером, и плата за них взимается, как за один предмет.

За производство проверки описанного имущества, по требованию должника или взыскателя, за сдачу на хранение или передачу его взыскателю, когда эти действия производятся отдельно от описи, взимается половина платы в зависимости от того, была ли проверка произведена с повторной оценкой или без нее.

За наложение печати на описанные предметы по требованию взыскателя взимается по 5 коп. за печать, но не менее 50 коп.

За составляемые лицом, производящим взыскание, протоколы о наложении ареста на процентные отчисления с ежедневных поступлений в кассу предприятий плата не взыскивается.

За производство публичного торга описанного имущества взимается плата в размере, считая с вырученной от продажи суммы.

При несостоявшейся продаже, если производящий взыскание прибыл на место торга, взыскивается 1 руб. зол.

За выдачу копий, описей, журнала исполнительных действий и проч. взыскивается, помимо гербового сбора, плата в размере 20 коп. со страницы, считая в странице не более 25 строк.

За учинение на исполнительном листе надписей об исполнении решения или о причинах неприведения изложенного в нем решения в исполнение взымается 15 коп. зол.

При совершении исполнительных действий вне места пребывания лица, производящего взыскание, помимо сборов по таксам, взымается плата за проезд производящего взыскание в оба конца по действительной его стоимости, считая по наиболее дешевому существующему способу передвижения.

Такса оплаты хранителю за хранение арестованного за недоимки по соц. страх. имущества.

На основании пост. Всероссийского Сов. Соц. Страх. от 26/V—1927 г. («Изв. НКТ» № 30) должник и лица, принадлежащие к их семейству и проживающие совместно с ними, платы за хранение не получают.

Назначенный лицом, производящим взыскание, хранитель получает плату за хранение за время не свыше месяца, когда оценка имущества не превышает 50 рублей золотом—5% с суммы оценки, свыше 50—250 рублей золотом—3% с суммы оценки; свыше 250 руб. золотом—1½% с суммы оценки.

За хранения имущества свыше одного месяца прибавляется за каждый последующий месяц хранения одна четвертая часть суммы, считая неполные месяцы за полные.

За хранение животных плата увеличивается на 50% следуемой за хранение суммы.

Если для хранения имущества потребуются какие-либо расходы, как, например, наем сторожей, особое помещение для имущества, прокорм животных, перевозка имущества и т. п., то таковые возмещаются хранителю отдельно.

Условия хранения имущества должны быть непременно отмечены на самой описи, с точным обозначением нужных для этого расходов, исчисленных по существующим средним рыночным ценам.

Сведущие лица, приглашаемые лицом, производящим взыскание, для оценки имущества, получают вознаграждение по расчету средней заработной платы их квалификации за полдня, если они были заняты оценкой не более двух часов, и целого дня, если они были заняты от двух до шести часов в течение дня, за время свыше шести часов—за каждый час в полуторном размере.

Использование рабочего кредита.

Союзный Наркомфин предложил наркомфинам союзных республик строго следить за использованием товарных ордеров мелколавочного кредита по прямому назначению. Это предложение вызвано нарушениями порядка выдачи товаров по ордерам, замеченными в ряде кооперативных организаций. Так, некоторые кооперативы отпускают товар по ордерам, не проверяя по членской книжке личности предъявителя ордера, выдают в счет кредита товары не первой необходимости и т. д.

Регистрация обществ взаимного кредита.

В виду того, что 1) согласно примечания 2 к ст. 10 положения о торговой регистрации банки и другие кредитные организации подлежат регистрации на основании означенного положения, в зависимости от юридической формы, в которой они организованы, 2) что общества взаимного кредита являются кредитными организациями, 3) что названные общества по своей правовой структуре являются т-вами с ограниченной ответственностью, возникающими в разрешительном порядке и имеющими уставы, подлежащие утверждению центральных органов союзных республик, а, следовательно, подлежат регистрации в II разделе торгового реестра (ст. 16 полож. о торг. регистр.) и 5) что уставы о-в вз. кредита утверждаются НКФ союзных республик в соответствии с нормальным уставом, утвержденным СТО 2/XI—1922 г. («Вестн. Фин.» от 28/IX—1922 г., прил. № 31), НКТорг СССР разъяснил, что общества взаимного кредита подлежат внесению во II раздел торгового реестра НКТоргами союзных республик (разъяснение НКТорга СССР от 20/X—27 г. № 222—«Фин. и Нар. Хоз.» № 46).

Регистрация городских земель, предоставленных транспорту.

На основании пост. НКВД № 218 от 18/VI—27 г. («Бюлл. НКВД» № 17) регистрация предоставленных транспорту земель в пределах городской черты, а равно оформление в процессе этой регистрации прав НКПС на таковые земли, производится в порядке инструкции ЭКОСО РСФСР от 23 сентября 1926 г. по производству регистрации земель в пределах городской черты и с соблюдением нижеследующих правил.

Регистрация земель, предоставленных транспорту, может производиться помимо проводимой коммунарами сплошной основной регистрации, также в качестве специальных работ, исполняемых выборочно по инициативе как НКПС или его местных органов, так и коммунаров.

По поступлении в коммунары заявки органа НКПС на производство выборочной регистрации, коммунары обязаны не позднее 2-недельного срока со дня такого поступления: рассмотреть заявление, с прилагаемыми к нему документами; установить, чьим техническим аппаратом будут производиться работы по регистрации; определить срок приступа к работам в натуре, каковой срок, однако, не должен быть более одного месяца со дня поступления заявки, если выполнение работ не препятствуют климатические условия.

Равным образом, в 2-недельный срок должно быть рассмотрено органом НКПС и извещение коммунары об открытии им сплошной или выборочной, по его почину, регистрации, с подготовкой всех необходимых документов.

Обозначение в натуре границы измеряются техническим персоналом и при отсутствии споров со стороны коммунары или ведомств, если они являются пользователями смежных земель специального назначения, закрепляются постоянными граничными знаками, доставляемыми НКПС. По спорным границам постоянные знаки устанавливаются по окончательном разрешении спора.

Заявления смежных землепользователей о нарушении при установлении границ интересов их землепользований, надлежаще мотивированные, принимаются представителями коммунары; спорные границы наносятся на план.

Ответственность за нарушение правил в'езда, выезда и пребывания в СССР иностранцев.

НКВД установлены правила о порядке выдачи видов на жительство, пребывания иностранцев в СССР, в'езда и выезда за границу иностранцев и граждан СССР (пост. № 226 от 15/VI—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 18).

Правила предусматривают получение разрешений на пребывание и видов на жительство, выезд, следование по транзитным визам, проживание и прописку их.

Все иностранцы, проживающие в городах, по получении видов на жительство, обязаны не позднее 24 часов предъявить таковые для прописки администрации гостиниц, жилищным кооперативным товариществам, домовым управлениям или домовладельцам, проживающие в сельских местностях не позднее трехдневного срока—в волостные управления милиции или районные административные отделения.

Прописка должна быть произведена в городах—в отделениях милиции не позднее как в 48-часовой срок, а в сельских местностях—в волостных управлениях милиции (районных административных) или в вик'ах не позднее 7-дневного срока.

За нарушение правил постановления, за исключением правил о прописке, установлена ответственность в виде предупреждения, штрафа до 100 руб. или принудработ до 1 месяца. За нарушение правил о прописке и сдаче документов в виде предупреждения или штрафа в 25 руб.

Домовладельцы, арендаторы, домов и ответственные в жилищных товариществах, кооператива и домовых управлениях лица за нарушение этого пункта постановления подлежат административной ответственности, согласно декрета СНК от 28 апреля 1925 г. («С. У.» за 1925 г., № 28, ст. 197), в размере штрафа не свыше 25 рублей.

Библиография.

А. М. Линицкий. Преод. Харьк. Инст. Нар. Хоз. Нотариат Советских Республик. Книга I. Законы и разъяснения нотариальной практики. Под редакцией проф. Ал. Малицкого. Юридическое издательство НКЮ УССР. Харьков. 1927 г. Стр. 282.

При почти полном отсутствии литературы по нотариату каждая книга по данному вопросу вызывает вполне понятный интерес со стороны работников нотариата и юристов-практиков. С этой точки зрения книга А. М. Линицкого заслуживает внимания тем более, что автор задался целью дать законодательный и разъяснительный материал по положению о нотариате УССР и РСФСР, инструкции к тому и другому с добавлением разъяснений НКЮ и определений Верховного суда по вопросам, встречающимся в нотариальной практике.

Однако, автор далеко не во всех частях удачно справился со стоявшей перед ним задачей. Мы отметили только касающееся законодательства по РСФСР. Так, наряду с действующим законодательством, автор приводит уже отмененные законы, что затрудняет пользование книгой, и, вместе с тем, дает отрицательные результаты, вводя в заблуждение обращающихся за справками к этому руководству. В частности, укажем, что по организации нотариальных учреждений автором приведены отмененные статьи Полож. о Суд. РСФСР; напр., на стр. 18 изложена ст. 52 Пол. о Суд., на стр. 210—ст. 53 Пол. о Суд., между тем как эти статьи отменены, и в «Собр. Узак.» за 1926 г., № 85, ст. 624, опубликованы, в соответствии с постановлением СНК СССР об основных принципах организации государственного нотариата, статьи Положения о Суд., о государственном нотариате в новой редакции. Приводя, таким образом, старый закон, автор, однако, инструкцию о порядке назначения нотариусов (на стр. 22) дает новую, что, понятно само собой, может создать только полную путаницу. И на самом деле, по приведенному автором в книге закону нотариусы назначаются председателем губсуда, по действующей же инструкции — соответствующим исполнительным комитетом. Далее, нотариальные конторы разбиты на типы (стр. 25), тогда как это деление устарело (циркуляром НКЮ № 186 от 20 октября 1926 года установлены твердые штаты для каждой нотариальной конторы).

На стр. 27 в п. 4 приведен утративший силу циркуляр о порядке утверждения расходных смет пленумом губсуда, и тут же во втором абзаце приведена ст. 7 пол. о нот. в последней редакции. По действующему закону сметы утверждаются Наркомостом по соглашению с Наркомфинансом (ст. 101 Пол. о Суд.), и, таким образом, начало и конец одного и того же пункта совершенно между собой не связаны. На стр. 33 перечислены функции нотариальных отделений, упраздненных циркуляром НКЮ от 22 декабря 1926 г. № 230.

На стр. 35 изложено разъяснение НКЮ РСФСР от 30 ноября 1923 года об архивах, потерявшее всякое значение в связи с правилами об архивах, помещенными в инструкции к пол. о нот. На стр. 36 в п. 4 указывается, что отчеты о деятельности нотариальных учреждений предусмотрены в §§ 101—104 инструкции к пол. о нот. А затем тут же по совершенно непонятным причинам приводятся отмененные правила о трехмесячных отчетах и проч., несмотря на то, что именно в этих §§ 101—104 инструкции указано, что отчеты нотариальных отделений представляются в НКЮ по полугодиям.

Относительно денежной отчетности сделана ссылка на отмененный циркуляр НКЮ от 1 октября 1925 года.

Такая же смесь устаревшего с новым встречается и в комментариях к положению о гос. нот. Наряду с новой инструкцией приводятся правила совершения нотариальных действий, отмененные именно этой новой инструкцией. Имеются ссылки на циркуляры, потерявшие значение в виду того, что содержание их вошло в действующую инструкцию к пол. о нот.

На стр. 58 правила передачи по телеграфу нотариально удостоверенных доверенностей изложены по циркуляру НКЮ и НКТ РСФСР № 80/27—25 г., в то время, как эти правила вошли в инструкцию к пол. о нот. (§§ 199—206) с некото-

рыми изменениями. Циркуляр 1926 г. может иметь лишь исторический интерес, а никак не руководящее значение.

На стр. 62 изложен порядок нотариального удостоверения сделок комиссионного характера, заключаемых смешанными акционерными обществами с госорганами и другими организациями по закупке или продаже товаров за границу, при чем приведено разъяснение НКЮ РСФСР 1925 г. и тут же рядом изложен § 208 действующей инструкции к пол. о нот., видоизменяющий и отменяющий порядок, указанный в этом разъяснении.

Там же изложен цирк. НКЮ 1923 г. и § 209 инструкции; цирк. НКЮ 1923 г. № 140 и § 150 инструкции. Автор не замечает, что эти устаревшие циркуляры и действующая инструкция говорят об одном и том же. Помещение их рядом может принести только вред, так как создаст впечатление, что циркуляры 1923 г. действуют и в настоящее время, между тем как они давным давно отменены еще циркуляром НКЮ от 23 сентября 1925 г. за № 187.

На стр. 78, очевидно также механически, без всякого анализа содержания, помещен цирк. НКЮ 1925 г. № 68 о порядке совершения договоров между отсутствующими, тоже отмененный еще в 1925 г. Порядок совершения таких договоров указан в §§ 153—155 действующей инструкции.

На стр. 110 приведено разъяснение НКЮ от 8 августа 1923 г. со ссылкой на ст. 17 отмененного нотариального положения! Какое может иметь значение подобное разъяснение?

В части IV, рассматривающей сделки на домостроения и право застройки, приводятся, в разъяснение различных вопросов, или отмененные циркуляры или даже параграфы отмененной инструкции к пол. о нот. Между тем, судя по помещению во 2-й части книги действующего циркуляра НКЮ № 222—26 г., последний автору неизвестен. Приведем несколько примеров.

На стр. 199 имеется отмененный цирк. НКЮ от 5 авг. 1925 г., на стр. 214—§ 58 инструкции к пол. о нот., изд. 1923 года, на стр. 216—§ 60 этой же инструкции, в котором говорится о совершенном нотариальным порядком акте приобретения.

Нельзя не отметить еще, что, на стр. 55, после указания, что пост. СНК СССР от 14 мая 1926 года установлен единый порядок совершения нотариальных действий, приведен цирк. НКЮ УССР за 1925 год с перечнем сделок, подлежащих совершению в нотариальном порядке и засвидетельствованию. С какой целью помещен этот циркуляр, совершенно непонятно.

Касаясь вообще собранного автором материала и комментированного положения о нот., следует отметить, что в большинстве случаев приведены лишь соответствующие параграфы инструкции, между тем как в книге справочного характера необходимо бы иметь и другой законодательный материал, соприкасающийся с встречающимися в нотариальной практике вопросами. Вряд ли принесет пользу глава о гербовом сборе, так как общие положения Устава о герб. сборе должны быть, и, надо думать, известны практическим работникам. За разъяснениями же по более или менее сложным вопросам гербового обложения все равно придется обращаться к специальным справочникам.

Нельзя обойти молчаньем и неполноту материалов по применению положения о нотариате РСФСР. Пропущены некоторые части инструкции к этому положению.

Допущенными недочетами в подборе законодательного и инструктивного материала не исчерпываются все дефекты рецензируемой книги. Но и приведенных уже достаточно, чтобы с полным правом высказаться за нежелательность распространения ее.

Сложность нотариального дела и текучесть нашего законодательства, при нашей к тому же бедности в хорошо подготовленных нотариальных работниках, требует особо внимательного отношения к выпускаемым руководствам.

Не касаясь вопроса полезности книги для УССР, следует сказать, что для практических работников РСФСР, в частности нотариальных, книга совершенно непригодна.

М. П.—ов.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ № 200, 203, 204, 205.—Раз'яснения Пленума Верх. Суда.—Пост.

ЦИРКУЛЯРЫ НКЮ.

Циркулярное письмо № 200.

Всем краевым, обл., губ. и сир. прокурорам.

Копия: Прокурорам АССР.

О мероприятиях по улучшению работы камерных совещаний.

Изучение и проработка материалов камерных совещаний краевых, областных, губернских и окружных прокуратур за 1 п. 1927 г. выявили наряду с положительными некоторые отрицательные стороны в работе камерных совещаний, устранение которых в дальнейшем составляет задачу настоящего циркулярного письма.

1. При, в общем, удовлетворительном выполнении плана в части созыва камерных совещаний, имели место резкие недовыполнения плановых заданий со стороны части местных прокуратур (Например, вместо 12 совещаний, намеченных по плану, фактически проведены 5 и т. п.). Это указывает на то, что не всеми прокурорами усвоено значение камерных совещаний. Между тем практическое значение их (разумеется, при условии правильной постановки) весьма значительно. Практика камерных совещаний возникла еще в первые годы существования Советской Прокуратуры. Целесообразность и необходимость ее подсказала сама жизнь, выдвинув опыт практической работы. В процессе текущей повседневной работы отдельных камерных помпрокурора неизбежно встает ряд общих практических вопросов, касающихся одновременно нескольких или даже всех камерных помпрокурора и требующих совместного, коллективного обсуждения и проработки. Было бы просто нецелесообразно и излишней тратой сил и времени по такого рода общим вопросам, вместо проработки их на совещании всех камерных помощников прорабатывать их обычным индивидуальным порядком с каждым камерным помпрокурора в отдельности. Практическая проработка вопросов, общих ряду камерных помощников, затрагивающих работу всех или большей части их, является одной из задач института камерных совещаний. Другой, находящейся в тесной связи с указанной, является необходимость достижения большей увязки в работе отдельных камерных помощников, а также необходимость большего использования коллективного опыта в целях выправления работы отдельных частей управления прокуратуры. Переход к плановости в работе прокурорского надзора, наметившийся в 1926 г., необходимость проработки и строгого согласования квартальных, а затем полугодовых планов, необходимость систематической проверки и контроля выполнения их естественно усиливают практическое значение камерных совещаний.

В виду этого предлагается созыву камерных совещаний в дальнейшем придать вполне регулярный характер (примерно, 2 раза в месяц).

2. В отношении плановости работы камерных совещаний напрашивается из обзора соответствующих материалов еще следующее замечание. Пока в подавляющем большинстве случаев плановость данной работы отражает преимущественно (если не исключительно) количественную сторону созыва совещаний и сводится к тому, что заранее намечается определенное число камерных совещаний, и приблизительно такое именно число их проводится фактически. Между тем плановость в данном случае желательна в более глубоком значении. Желательно в плановом порядке предусмотреть заранее не только число камерных совещаний, но и (разумеется, в основных чертах) вопросы для предстоящей проработки на них.

Принимая во внимание известную стабильность, установившуюся в программе вопросов, обсуждаемых на совещаниях, предварительная плановая наметка ее в основных чертах представляется вполне возможной.

3. Анализ содержания тех вопросов, которые ставились на обсуждении камерных совещаний, показывает, что в основном повестка дня совещаний не вызывает замечаний. Информационные и отчетные доклады камерных помощников, отчетные доклады участковых, доклады о результатах ревизий и обследований, вопросы плановости, контроля и учета, проработка важнейших директивных указаний центра—все эти вопросы, обсуждавшиеся на совещаниях, рассматриваются Прокуратурой Республики, как вполне соответствующие сущности и назначению камерных совещаний. Однако, в части содержания работы совещаний необходимо отметить следующие недочеты:

а) недостаточное местами реагирование камерных совещаний на проработку вопросов, которым придавалось ударное значение в тот или иной период. Так, например, только часть местных прокуратур на камерных совещаниях поставила практическую проработку таких вопросов, как о методах участия прокуратуры в борьбе за снижение цен, с бюрократизмом, волокитой и т. п.;

б) с другой стороны, в повестку дня ряда камерных совещаний включаются такие вопросы, которые уместно было бы ставить на совещаниях по борьбе с преступностью (как, например, борьба со скотокрадством и т. п.).

В виду этого представляется необходимым в дальнейшем:

а) устранить смешение функций камерных совещаний и совещаний по борьбе с преступностью, где это еще имеет место;

б) усилить внимание камерных совещаний тем вопросам руководства, которые наиболее связаны с борьбой за режим экономии, снижение цен, с бюрократизмом и волокитой, а также с наименее благополучными участками работы.

4. На ряду с вполне деловыми и инициативными постановлениями и резолюциями камерных совещаний, ряд постановлений и резолюций носит слишком общий и шаблонный уклон и по сути мало что могут дать практического в деле улучшения работы. В качестве иллюстрации таких недостаточно конкретных и трафаретных постановлений и предложений камерных совещаний можно указать на такие предложения, как, например, на предложения:

«Усилить работу примирительных комиссий при ВИК'ах». «Усилить работу с общественными обвинителями». «Усилить инструктивную работу с органами дознания и следствия». Принять «все меры» надзора за наложением админ. взысканий (ДВК). «Углубить количественную и качественную работу ревизионных обследований участковых камер» (С. К.).

Дальнейшее улучшение качественной стороны работы камерных совещаний поэтому требует в качестве предпосылки решительного устранения на практике подобных, ничего не говорящих и ничтожных предложений.

Кроме того, в ряде случаев выносились постановления, неправильные по существу, расходившиеся с общей линией и существующими директивами Прокуратуры Республики. Так, например, выносится постановление о сокращении числа совещаний по борьбе с преступностью, вопреки директивам НКЮ созывать таковые не реже одного раза в 1½—2 месяца. В другом случае камерное совещание предлагает произвести обследование делопроизводства губсуда, хотя это совершенно не входит в компетенцию прокуратуры. Предлагается постоянное участие в заседаниях различных комиссий, в то время как директивы Прокуратуры Республики требуют ограничения этого участия. Устанавливается систематическое истребование от участковых помощников присылки разного рода сведений, вопреки директиве о сокращении излишней отчетности и т. д.

В виду этого предлагается самым решительным образом изжить из практики камерных совещаний вынесение подобного рода противоречащих имеющимся директивам высших органов постановлений. Этим не устраняется желательность большего проявления инициативы по линии разработки указаний на желательные изменения в действующих директивах и законодательстве.

Третьим существенным недочетом некоторых резолюций по отчетным докладам отдельных помпрокурора является слишком поверхностная и оптимистическая оценка состояния и работы, что также должно быть изжито, необходимо давать всестороннюю деловую оценку, не преувеличивая достигнутых и не затушевывая недостатков.

5. В отношении состава камерных совещаний также необходимо провести четкую грань между ними и совещаниями по борьбе с преступностью, ограничив состав камерных совещаний участием в них камерных и вызываемых участковых помощников. Вместе с тем Прокуратура Республики считает полезной инициативу и практику некоторых губпрокуратур, вводящих в состав камерных совещаний работающих при губпрокуратуре практикантов. Поскольку это окажется возможным и не вызовет особых затруднений, желательно также привлечение к участию в работе камерных совещаний и наиболее активных общественных обвинителей.

6. В отношении порядка работ камерных совещаний обращается внимание на следующие отрицательные моменты: во-первых, некоторые совещания характеризуются крайне слабой активностью участвующих в них помощников прокурора; есть такие совещания, на которых никто из камерных помощников не выступал, между тем, как обсуждались весьма сложные вопросы прокурорской работы. Во-вторых, в ряде случаев

выступление помпрокурора носит весьма поверхностный характер, доказывающий, что никакая предварительная подготовка к совещанию не велась.

В некоторых случаях пассивность помпрокурора на совещаниях обуславливается неправильным уклоном со стороны прокуроров, выражающемся в том, что вместо коллективного обсуждения вопроса и вынесения по большинству голосов тех или иных постановлений диктуются лишь предложения прокурора, принимаемые безапелляционно. Само собою разумеется, постановления камерных совещаний формально необязательны для губпрокурора. Мыслимы исключительные случаи, когда губпрокурор может отказаться от проведения в жизнь тех или иных постановлений камерных совещаний (в таких случаях прокуроры обязаны представлять мотивированное объяснение в Центральную Прокуратуру). Но это как раз и подчеркивает желательность и необходимость того, чтобы совещания не навязывались, как нечто внешнее обязательное, предложения, чтобы предложения и постановления камерного совещания отражали не единоличное мнение губпрокурора, а коллективное мнение и практический опыт всех или большинства камерных помощников. Это одна из элементарнейших предпосылок возможности оживления работы камерных совещаний и возможности максимального использования их творческой инициативы в деле совершенствования прокурорской работы.

7. В то время, как часть протоколов камерных совещаний отличается излишней детализацией и почти стенографической полнотой, другие, наоборот, настолько лаконичны, что не отражают совершенно сущности вопроса и предложений по нему в процессе обсуждения.

В виду этого представляется желательным хотя бы до некоторой степени стандартизировать протоколы камерных совещаний. За основу может быть принят тип протокола (слушали—постановили), с тем, однако, что: 1) к протоколу должен быть приложен письменный доклад докладчика и докладчика; 2) в протоколе должны быть обозначены предложения, которые выдвигались каждым из выступавших в прениях участников совещания, с сжатой мотивировкой этих предложений.

8. Обращает на себя внимание резкое несоответствие по некоторым прокуратурам, числа имевших место совещаний и числа протоколов их, присланных в Прокуратуру Республики. Например, из Сталинградской губпрокуратуры не поступало ни одного протокола, между тем, как, судя по отчету, имели место 6 камерных совещаний; то же самое и в отношении Вологодской прокуратуры. Из Ульяновской поступило 8 протоколов при 11 совещаниях; из Восточной области поступило 2 протокола при 5 совещаниях; это значит, что часть протоколов в Прокуратуру Республики не высылались или высылаются крайне несвоевременно.

В данное время, конечно, в связи с общей тенденцией к сокращению отчетности, мысленно поставить вопрос о целесообразности вообще высылки копий протоколов камерных совещаний в Прокуратуру Республики. Однако, получение этих протоколов представляется необходимым и впредь. Оно необходимо не только потому, что по части их приходится давать ряд указаний и вносить ряд существенных поправок в постановления совещаний. Получение и повседневно изучение протоколов камерных совещаний, кроме того, дает Центральной Прокуратуре ценный материал и для целей общего руководства и облегчает возможность более глубокого проникновения в работу и жизнь каждой отдельной прокуратуры. Поэтому предлагается на будущее за высылку в Центральную Прокуратуру всех без исключения копий протоколов камерных совещаний, и притом своевременной высылкой этих материалов, так как пока по части своевременности имеется ряд перебоев.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Старший
Помпрокурора Республики Крыленко.

20 ноября 1927 г.

Циркуляр № 203.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О вручении через милицию повесток и извещений судебных следственных органов.

Согласно ст. 66 ГПК, вручение извещений судебных учреждений может возлагаться на милицию лишь в сельских местностях при отсутствии почтовой связи. То же правило содержится и в ст. 130 УПК.

Начальник Центрального Административного Отдела НКВД издал приказ от 20 апреля 1927 года за № 57, которым

предложил органам милиции в городах и сельских местностях, где имеется почтовая связь, в том числе и кольцевая почта, не принимать к исполнению повесток объявлений и извещений, и в случае присылки оставлять без исполнения.

Несмотря на это, судебные и следственные органы продолжают посылать в милицию в большом количестве повестки и извещения, как в городах, так и в сельских местностях, имеющих почтовую связь. Милиция или оставляет эти предложения без исполнения или возвращает обратно. Таким образом, получается совершенно ненужная переписка.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем судебным и следственным органам прекратить посылку повесток, извещений и объявлений для вручения в органы милиции в городах или в сельских местностях, где имеется почтовая связь.

Народный Комиссар Юстиции Курский.
Член Коллегии НКЮ Осипович.

26 ноября 1927 г.

Циркуляр № 204.

Всем губ., обл. и краевым судам.

О посылке нотариальными конторами учреждениям Государственного Банка сведений о протестованных векселях лишь в одном экземпляре.

В измещение § 67 инструкции НКЮ от 11 декабря 1926 г. за № 222 Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем нотариальным конторам, исполняющим нотариальные действия, народным судьям, начиная с 1 декабря 1927 года, посылать в учреждения Госбанка сведения о протестованных векселях лишь в одном экземпляре на желтой бумаге.

Соответственно и плата по ст. 12 таксы оплаты технических услуг должна взиматься с учреждений Госбанка только в размере 5 коп. за сведения о каждом протестованном векселе.

Народный Комиссар Юстиции Курский.
Член Коллегии НКЮ Осипович.

28 ноября 1927 г.

Циркуляр № 205.

Всем краевым, обл., губ. и скр. прокурорам.

Об ускорении расследования жалоб крестьян и красноармейцев.

Рядом циркуляров Прокуратуры Республики вменено в обязанность прокуроров на местах производить срочное расследование по жалобам крестьян, красноармейцев, краснофлотцев и особенно деревенской бедноты и батрачества, не допускать малейшей волокиты и требовать срочности исполнения от органов, к которым обращаются запросы, предложения и распоряжения в порядке надзора. Циркуляром № 177—26 г. «о защите имущественных прав деревенской бедноты» предложено категорически придавать характер срочности жалобам батраков, безлошадников и крестьян вообще («Е. С. Ю.» 1926 г. № 4). Циркуляром 1926 г. за № 110 предложено прокурорам производить специальные глубокие обследования сроков движения жалоб в виду громадного интереса и значения вопроса о сравнительной средней продолжительности движения жалоб («Е. С. Ю.» 1926 г. № 25). Вся работа органов прокуратуры на местах давно заострена на вопросах своевременного обслуживания крестьян и красноармейцев. Однако, в Центральную Прокуратуру продолжают еще поступать сведения о недопустимой медленности в расследовании таких жалоб. Были даже случаи оставления без всякого ответа обращений военных прокуроров о защите прав по жалобам красноармейцев и краснофлотцев. Наблюдаются также случаи недопустимой медленности по выполнению предложений Центральной Прокуратуры по поступающим к ней жалобам. Поэтому еще раз категорически предписывается расследования по жалобам крестьян, красноармейцев, краснофлотцев и особенно деревенской бедноты и батрачества производить в самом срочном порядке. За малейшее явление волокиты и невнимательного отношения к интересам жалобщиков виновные будут привлекаться к дисциплинарной ответственности вплоть до отстранения от должности. Должностных лиц учреждений и предприятий, задерживающих ответы на запросы и предложения прокуроров при расследовании жалоб в порядке надзора, предлагается привлекать к дисци-

лишней, а в особо злостных случаях, к уголовной ответственности за волокиту, бюрократизм и бездействие власти по признакам ст.ст. 109 и 111 УК.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Пом.

Прокурора Республики Крыленко.

Помпрокурора Республики Бранденбургский.

28 ноября 1927 года.

Раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР

Из протокола № 19 заседания Пленума Верховного Суда от 31 ноября 1927 г.

П. 12. О раз'яснении 345 ст. ГК.

(Протест Председателя Верховсуда на определение ГKK Верховсуда от 15 октября 1927 г. по делу Орловского губсуда по иску Орловского отделения Госбанка к Орловскому отд. Всекобанка и ликвидному Орловского кооперативного союза о признании недействительным соглашения между Кооперативным Союзом и Всекобанком о передаче первым второму товаров, ценных бумаг и паев в погашение задолженности).

Принимая во внимание, что ст. 345 ГК имеет в виду исключительно предупреждение возможной спекуляции со стороны акционерного общества (искусственно поднимая на бирже их курс) покункою своих акций, что этого случая в данном деле нет, а покупать акции или пай (следовательно, и принимать их в зачет) в целях предотвращения потерь при взъяснении с должников акционерного общества разрешается и ст. 345 ГК и уставом банка (§ 7); что жаловаться на нарушение этих статей могли бы лишь кредиторы или пайщики акционерного общества, а не правление Орловского отд. Госбанка, как кредитор Орловского кооперативного союза; что передача акций в зачет равносильна уплате денег, почему передача этих паев 5 февраля 1925 г. под специальный текущий счет для погашения задолженности должно обсуждаться наравне с другим имуществом; что ГKK Верховсуда в определении от 15 октября 1927 г. основывается исключительно на неправильном в этой части определении ГKK от 7/II 1927 г.—Пленум Верховсуда постановляет: отменить определения ГKK Верховсуда от 15 октября и 7 февраля 1927 г. в части, касающейся паев, и передать дело в этой части на новое разрешение в ГKK Верховсуда.

Из протокла № 20 заседания Пленума Верховного Суда от 21 ноября 1927 г.

1. П. 1. О раз'яснении примечания 2 к ст. 26 УПК.

Раз'яснить, что в силу ст. 313 УПК и раз'яснения Пленума Верховного Суда от 20 июня 1927 года (протокол № 11 п. 23) в случаях, когда народный суд при рассмотрении дела по 1 ч. 116 ст. УК отвергает наличие состава преступления по этой статье и установит, что в действиях подсудимого имеется лишь халатное отношение к своим обязанностям, нарсуд, исходя из существа рассматриваемого дела, вправе, не передавая дела по подсудности в губ. (окр.) суд, переквалифицировать деяния подсудимого с 1 ч. 116 ст. УК на 111 ст. УК и выносить приговор по этой статье в том же судебном заседании.

2. П. 5. О подсудности исков по трудовым делам на сумму свыше 2.000 р. в местностях, где трудовые сессии не организованы.

(По поводу постановления пленума Брянского губсуда).

Принимая во внимание, что трудовые иски, превышающие 2.000 р. (т.-е. подсудность народных судов), обыкновенно предъявляются не одним лицом, а группой трудящихся или в ее пользу профорганами; что взыскиваемые в этих случаях суммы в пользу отдельных истцов всегда значительно ниже подсудности народных судов, ибо взыскание более 2.000 руб. в пользу одного лица, как общее правило, не может основываться на действительно трудовых отношениях между сторонами,—раз'яснить Брянскому губсуду: что трудовые иски, предъявляемые группой трудящихся или профорганами, если взыскиваемые в пользу отдельных истцов суммы не превышают подсудности народных судов, должны рассматриваться нарсудами и в тех случаях, когда в данной местности не функционирует трудсесия, поскольку сумма

исковых требований сложилась вследствие соединения нескольких исков, предъявленных к одному ответчику, в одно производство (ст. 173 ГПК).

3. П. 7. О недопустимости замены принудительных работ лишением свободы.

В дополнение к постановлению Пленума Верховсуда от 7 февраля 1927 года (протокол № 3, п. 17) раз'яснить:

1) что в исключительных случаях, при фактической невозможности привести в исполнение приговор к принудительным работам, в виду отсутствия организации таковых, суд может в порядке ст. 461 УПК заменить принудительные работы штрафом, определяя таковой в строгом соответствии с имущественным положением осужденного, при чем в этих случаях суд не связан пропорцией, указанной в ст. 42 УК (сто рублей штрафа равны одному месяцу принудительных работ), так как эта пропорция, по точному смыслу ст. 42 УК, относится лишь к замене штрафа принудительными работами, а не наоборот;

2) что с изданием УК редакции 1926 г. замена принудительных работ лишением свободы не допускается.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Суда РСФСР от 25 октября 1927 года.

По докладу УKK Верховсуда о судебной практике по преступлениям, предусмотренным ст. 58^а УК (террористические акты), по данным УKK Верховсуда за 1926 г. и первую половину 1927 года.

1. Карательную политику губсудов по делам о террористических актах признать в основном правильной и достаточно выдержанной.

2. Вместе с тем, учитывая, что преступления этого рода совершаются обыкновенно группой участников, среди коих бывают организаторы, исполнители и пособники, считать необходимым в каждом отдельном случае оттенять роль и деятельность организаторов и руководителей от всех прочих участников, так как их действия являются исключительно социально-опасными, коими в большинстве случаев являются деревенские кулаки, торговцы и проч., в отношении которых мера социальной защиты должна быть особо суровой; такой же подход должен быть к тем исполнителям, которые по своему социальному положению являются чуждыми или имели в прошлом судимость за другие тяжкие преступления, в силу чего как лица, являющиеся особо социально-опасными.

С другой стороны, подход судов должен быть несколько иной к другой группе участников, именно: к второстепенным участникам и пособникам, которыми в большинстве случаев являются—деревенская беднота, темная и невежественная масса, которая преступниками становится часто случайно, соблазняясь на участие благодаря запугиванию и спаванию.

3. Предложить судам и прокурорскому надзору во всех случаях убийства, избиения и нанесения телесных повреждений селькорам и рабкорам выяснять тщательно мотивы, установив, нанесены ли таковые в связи с должностными действиями или корреспондентской и другой общественной деятельностью, или же это произошло на почве сведения личных счетов, или на почве незаконных действий со стороны представителей власти. Это делать существенно необходимо, так как от выяснения этого обстоятельства зависит квалификация деяний виновного по ст. 58^а или же по статье из VI главы УК.

4. Принимая во внимание, что цель судебного процесса заключается не только в обнаружении совершенного преступления и в применении меры социальной защиты к лицу, совершившему это преступление, но и во вскрытии организации и обстановки совершения преступления, а также в установлении ближайшей или общей причины, игравшей решающую роль в организации этого преступления; что это особо важно при рассмотрении дел о террористических актах, исходя из характера этого рода преступления, предложить судам при рассмотрении дел о террористических актах особенно тщательно выяснять эту сторону процесса и в случае обнаружения, что организация преступления произошла по тем или иным недочетам работы советского аппарата или должностного лица, как в смысле слабости борьбы с преступным элементом, так и в смысле неправильного проведения общей линии Советской власти, сообщать в надлежащие органы на предмет принятия соответствующих мер к устранению этих недочетов.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Д. Курский.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия { Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Пушицкий.